

$\frac{69}{5}$

Рекрети. шк. № 113
325-7-2

$\frac{180}{1120}$

ПАМИРЫ и САРЫКОЛЬ.

(Очеркъ возникновенія, послѣдовательнаго
развитія и современнаго положенія Памир-
скаго вопроса).

СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба

Капитанъ **Зайченко.**

ТАШКЕНТЪ.

Типографія Штаба Туркестанскаго военнаго округа.

1903.

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Введеніе	1.
Краткій географическій очеркъ Памировъ и Са- рыкола	10.
Политика Англичанъ	24.
Разграниченіе 1883—1884 г.г.	27.
Происки Англичанъ	31.
1-ая Памирская экспедиція отряда Іонова . . .	35.
Событія въ Канджутѣ	47.
2-я экспедиція отряда Іонова	64.
Послѣдующія событія	73.
Разграниченіе 1895 г.	82.
Англійскія притязанія на Сарыколь и мѣстности, лежащія по р. Раскемъ Дарьѣ	85.
Заключеніе	105.

20864-44

И С Т О Ч Н И К И.

- 1) „Кашгарія“ Историческо-географическій очеркъ страны, ея военныя силы, промышленность и торговля. Куропаткина
- 2) „Восточный или Китайскій Туркестанъ“ Риттера съ примѣчаніями и дополненіями В. В. Григорьева.
- 3) Die Pamir—gebiete von D-r Wilhgelm Geiger.
- 4) „Верховья Аму-Дарьи“ Минаева.
- 5) *Report on the proceedings of the Pamir Boundary commission.*
- 7) „The Heart of Asia.“ A history of Russian Turkestan and the Central Asia Khanates from the Earliest Times. By Francis Henry Skrine and Edward Denison Ross Ph D.
- 8) Дѣла и переписка Императорскаго, Россійскаго, генеральнаго консульства въ Кашгарѣ за періодъ времени съ 1880—1901-ый г.г.

Памиры и Сарыколь.

ВВЕДЕНІЕ.

Завоеванія наши въ Туркестанѣ въ послѣднюю половину минувшаго столѣтія отличались быстротой, соединенной съ нѣкоторою рискованностью предпріятій, могущими служить лучшими признаками дѣйствій тѣхъ прежнихъ нашихъ военачальниковъ въ Туркестанѣ, которые до настоящаго времени извѣстны подѣ именемъ „старыхъ туркестанцевъ“. Быстро и не останавливаясь, продолжалось наше движеніе въ Средней Азіи: въ 1865 году Черняевъ взялъ Ташкентъ, а въ 1866 г. послѣ битвы подѣ Ирджаромъ и въ 1867 г. подѣ Самаркандомъ, колеблется устойчивость Бухары, пошатнувшейся на столько, что эмиръ Музаферъ-эдинъ былъ принужденъ просить и затѣмъ принять предложенный ему миръ съ уступкою намъ Самарканда и средняго округа Зарявшана; сама Бухара въ настоящее время сведена на степень русскаго вассальнаго владѣнія. Постоянныя волненія и неурядицы въ Кокандскомъ ханствѣ дали намъ понять, что для обезпеченія спокойствія нашихъ владѣній въ Туркестанѣ нельзя оставлять безъ вниманія подобнаго непріятнаго сосѣда, ка-

кимъ являлась въ своемъ тогдашнемъ видѣ Фергана. Настала очередь паденія Кокандскаго ханства; настало время довершить то, что взятіемъ Акъ-мечети началъ генералъ Перовскій въ 1852 г. Въ 1876 г. пало Кокандское ханство, присоединенное къ нашимъ владѣніямъ подъ именемъ Ферганской области. Долина Ферганы отличается замѣчательнымъ плодородіемъ и справедливо называется „садомъ Туркестана“. Съ юга Ферганская долина замыкается Алайскими горами, отроги которыхъ начинаются на линіи Н. Маргеланъ—Ошъ; далѣе на югъ идетъ самый Алай, а за нимъ еще южнѣе высятся снѣжныя вершины Памировъ, „крыши міра“. Эти послѣднія горы находятся на обширномъ плато, перерѣзанномъ долинами, надъ которыми возвышаются на 3—4 тысячъ фт. Споръ изъ за владѣнія этой мѣстностью породилъ такъ называемый „памирскій вопросъ“, вопросъ, представляющій собою какъ бы неразрѣшимую и до настоящаго времени диллему, благодаря тому, что здѣсь слились интересы трехъ государствъ.

Въ чемъ же онъ заключается?

Сущность памирскаго вопроса можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ; возникновеніе его обуславливалось: 1) забвеніемъ нашей администраціей границъ бывшаго Кокандскаго ханства; 2) ошибками нашего разграничительнаго комиссара, а въпослѣдствіи рядомъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью исправить его ошибки, но въ дѣйствительности отдалившихъ благоприятное разрѣшеніе вопроса на неопре-

дѣленное время. Подробности его заключаются въ слѣдующемъ:

Мѣстность, лежащая въ востоку и юго-востоку отъ нашей Ферганы и составляющая юго-западную часть обширной китайской Синь-цзянской провинціи, въ теченіе всего девятнадцатаго столѣтія служила ареной кровавой борьбы изъ за обладанія ею, возникавшей неоднократно между владѣтелями Китая и Бухарскими мусульманскими ходжами,*) приводимыми изъ Коканда различными искателями приключеній. Съ однимъ изъ такихъ ходжей, во время возстанія дунганъ въ Китаѣ, съ Бузрукъ-ходжой, сыномъ Джангира, прибылъ въ званіи ляхкара-баши**), искатель счастья, нѣкто Якубъ-бекъ, прошлое котораго и происхожденіе не представляли ничего выдающагося. Якубъ-бекъ вскорѣ овладѣлъ Кашгаріей (въ 1864-65 г.), именуемой въ періодъ его владычества „Джитышаромъ“ (семиградіемъ въ переводѣ на русскій языкъ) и ко времени завоеванія нами Ферганы былъ сосѣдомъ Кокандскаго хана Худояра съ востока и юго-востока. Подобно всѣмъ узурпаторамъ, занимавшимъ престолы не по праву рожденія, а по праву личныхъ достоинствъ или же особой удачи, Якубъ-бекъ ясно сознавалъ необходимость постояннаго поддержанія славы своего оружія и непрестанно заботился объ увеличеніи своихъ владѣній за счетъ

*) Большою частью изъ селенія Дагбитъ.

**) Что значить по нашимъ понятіямъ — Командующаго дѣйствующими войсками.

своихъ сосѣдей, т. е. владѣній, принадлежавшихъ Китаю и хану Кокандскому, удовлетворяя этимъ прежде всего свою склонность къ владычеству и побѣдамъ и, кромѣ того, приобретаая себѣ уваженіе и страхъ своихъ подданныхъ. Расширивъ свои владѣнія на сѣверо-востокъ до г. Урумци, на югъ до Яркенда и Хотана, Якубъ-бекъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвигался и на западъ. „При Мадали-ханѣ“, говоритъ Куропаткинъ (Кашгарія стр. 148), „кокандская граница проходила черезъ Кургапинъ-кани всего въ 88 верстахъ отъ Кашгара. Въ дальнѣйшіе годы она была продвинута до Уксалыра, а за послѣдніе годы (75 и 76) выдвинулась впередъ еще болѣе, имѣя для своего обезпеченія, существующіе и до настоящаго времени, постъ Егинъ и укр. Иркештамъ. Если-бы не завоеваніе русскими Кокандскаго ханства, Якубъ-бекъ продолжалъ-бы вѣроятно далѣе свое движеніе въ этомъ направленіи и быть можетъ дошелъ бы даже до г. Ошъ.“ Кромѣ западной своей границы Якубъ-бекъ не оставилъ безъ вниманія мѣстности, лежащія на юго-западъ отъ своего вновь образовавшагося государства; въ 1868 г. палъ Сарыколь, который считался и былъ дѣйствительно вассаломъ хана Кокандскаго. Такимъ образомъ Кокандское ханство, въ моментъ завоеванія его нами, представляло изъ себя, по нашимъ понятіямъ, лишь Ферганскую долину съ весьма смутнымъ представленіемъ о принадлежности къ нему мѣстностей, лежащихъ къ югу отъ этой послѣдней. И это было представленіе о томъ ханствѣ, вліяніе могущества котора-

го при Мадали ханѣ простиралось даже до Янгиссара и Яркенда; хотя нѣтъ точныхъ указаній о томъ, что названные города принадлежали къ Кокандскому ханству, но престижъ его владѣтеля былъ настолько великъ, что распространялся даже на нѣкоторыя мѣстности, принадлежащія китайцамъ; въ кишлаки, расположенныя вблизи г.г. Аксу, Кашгара и даже Яркенда, назначались аксакалы изъ Коканда и эти аксакалы пользовались громаднымъ значеніемъ, собирая съ жителей особый налогъ въ свою пользу. Наше ошибочное представленіе вытекало изъ той быстроты, съ которой расширялись владѣнія Якубъ-бека, въ связи съ незнаніемъ нами исторіи и быта мусульманскихъ ханствъ вообще, а историческаго прошлаго Памировъ и прилегающей къ нимъ съ юго-востока мѣстности въ частности. Въ дѣйствительности же, когда русскіе завоевали Кокандъ, Памиры остались безъ правителей и тамъ начались смуты, а мелкіе владѣтели Шугнана, Рушана и Вахана, видя беззащитность населенія, начали производить набѣги; то же дѣлалъ и Канджутскій ханъ. Якубъ-бекъ, который все время былъ занятъ водвореніемъ спокойствія въ завоеванныхъ областяхъ, хотя и не грабилъ Памирское населеніе, но притѣснялъ его еще раньше паденія Кокандскаго ханства различными обременительными для населенія распоряженіями, въ родѣ запрещенія вывоза на Памиры муки и др. продуктовъ. Желая все-таки воспользоваться тѣми неурядицами, которыя царили въ Кокандскомъ ханствѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ

его существованія, Якубъ-бекъ не оставлялъ случая дать доказательство о подчиненіи Памирскаго населенія его власти и, когда жители Памировъ, не видя никакой защиты со стороны своихъ законныхъ владѣтелей—Кокандскихъ хановъ, обратились къ Якубъ-беку за помощью, то Якубъ-бекъ началъ назначать туда, помимо Кокандскихъ, своихъ правителей и послѣднимъ таковымъ, при завоеваніи Коканда русскими, былъ состоявшій у него на службѣ алайскій киргизъ Абдурахманъ Бахзабардаръ.

Желая нѣсколько разъяснить тотъ хаосъ, который царствовалъ въ понятіяхъ о границахъ бывшаго ханства Кокандскаго и съ этою цѣлью провести опредѣленную черту между нашими и владѣніями Якубъ-бека, генераломъ Кауфманомъ въ 1876 г. было отправлено съ этою цѣлью въ Кашгаръ посольство, во главѣ котораго находился нынѣшній Военный Министръ нашъ, въ то время генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ. На капитана Куропаткина было возложено порученіе: добиться уступки намъ Улугчата, Награ-чалды, Егина и Иркештама (какъ лежащихъ на территории, принадлежавшей прежде Кокандскому ханству), и проведеніе въ этомъ смыслѣ опредѣленной границы. Послѣ долгихъ колебаній, Якубъ-бекъ, сознавая свое безсиліе предъ надвигающимся на него колоссомъ, уступилъ; онъ сказалъ капитану Куропаткину: „я прошу васъ быть ходатаемъ за меня, быть моимъ братомъ, предъ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ. Если онъ хочетъ пока-

затъ мнѣ свою дружбу, пусть оставитъ за мною укрѣпленія, которыя я построилъ и охранялъ въ теченіи 14 лѣтъ“ (стр. 11). 30 января Якубъ-бекъ приказалъ передать капитану Куропаткину, что предложеніе его о проведеніи границы черезъ переваль Суекъ на Улугчатъ и Мальтабаръ принято имъ, но что онъ, бадаулетъ, пошлетъ къ ярымъ-падишаху (Туркестанскому генераль-губернатору) просьбу оказать ему снисхожденіе и оставить въ его рукахъ тѣ мѣста, объ устройствѣ которыхъ онъ заботился въ теченіе 14-ти лѣтъ. Если и на эту просьбу не послѣдуетъ согласія Туркестанскаго генераль-губернатора, то „я совершенно предоставляю на усмотрѣніе Туркестанскаго генераль-губернатора назначить пограничную черту тамъ, гдѣ онъ признаетъ нужнымъ и приму всякое его рѣшеніе“ (стр. 12). Такимъ образомъ вопросъ о разграниченіи въ желаемомъ для насъ смыслѣ былъ въ нашихъ рукахъ и отъ рѣшенія Туркестанскаго генераль-губернатора вполнѣ зависѣло опредѣленіе границъ нашимъ новымъ пріобрѣтеніямъ.

Между тѣмъ послѣ отъѣзда изъ г. Кашгара посольства капитана Куропаткина въ февралѣ (7) 1877 г., событія въ Кашгаріи рѣзко мѣняются: китайцы, обнадеженные общаніемъ Русскаго правительства возвратить временно занятую Кульджу, послали для возстановленія владычества Богдыхана вдоль всей западной границы Китая генерала Цзо. Конечно, не одну Кульджу надѣялись вернуть себѣ китайцы, но также и Кашгарію, захваченную по

ихъ мнѣнію, Якубъ-бекомъ незаконно. Этому послѣднему желанію ихъ помогла обычная склонность всѣхъ мусульманскихъ народовъ ко всякаго рода переворотамъ и общій всѣмъ восточнымъ тиранамъ деспотическій образъ правленія. Счастье измѣнило Якубъ-беку и, методически двигающіяся для подавленія дунганскаго возстанія и съ цѣлью возвращенія принадлежавшихъ имъ ранѣе владѣній, китайскія войска взяли Манась (1876 г.), Гуматай и подступили къ Урумци. Въ апрѣлѣ 1877 г. Урумци палъ и китайцы продолжали двигаться на Якубъ-бека; постепенно пали Диванча и Куни-Турфанъ. 16 мая 1877 г. Якубъ-бекъ умеръ и со смертью его начались обычные смуты и несогласія среди правителей и населенія, а въ декабрѣ того же 1877 г. перестала существовать Кашгарія какъ мусульманское владѣніе, и вновь перешла къ китайцамъ, которымъ принадлежитъ и до настоящаго времени. Занявъ Кашгарію, китайцы вполнѣ справедливо полагали, что къ нимъ должны отойти всѣ мѣстности, принадлежавшія Якубъ-беку до самаго его паденія; но здѣсь они неизбѣжно сталкивались съ интересами русскихъ, завоевавшихъ Кокандское ханство и не менѣе справедливо полагавшихъ, что имъ должны принадлежать также тѣ мѣстности, которыя составляли бывшее Кокандское ханство. Къ вышеуказанному примѣшалось еще одно обстоятельство, на первый взглядъ кажущееся незначительнымъ, но въ дѣйствительности составляющее главную причину всѣхъ возникшихъ впослѣдствіи недоразумѣній, а именно: русская

Туркестанская администрація не знала точныхъ границъ бывшаго ханства Кокандскаго, а китайцы, отвоевавшіе Кашгарію, затруднялись точно опредѣлять границу завоеваній свергнутого ими Якубъ-бека. Ясно, что въ этомъ положеніи та сторона получила бы выгоду, которая первая проявила бы инициативу въ желаніи возможно скорѣе и опредѣленнѣе провести границы, не стѣсняясь даже, въ случаѣ, если бы того потребовали обстоятельства, опереться въ своихъ требованіяхъ на оружіе; но ни Россія, ни Китай не принимали никакихъ мѣръ къ разъясненію обстановки, Россія потому, что, ведя непрерывныя войны въ Туркестанѣ и войны побѣдоносныя, жаждала спокойствія и установленія во вновь покоренныхъ областяхъ надлежащаго порядка управленія; Китай же, благодаря своей обычной уклончивой политикѣ, преслѣдовавшей свои цѣли не прямой дорогой, а путемъ созданія возможно большаго числа недоразумѣній, могущихъ затормозить опредѣленное выясненіе обстановки. Благодаря этому, возникли такія спорныя мѣста, какъ вся юго-восточная часть нашей Ферганы и прилегающее къ ней съ юго-востока въ этомъ раіонѣ пространство. Вопросъ о принадлежности спорныхъ областей совершенно не затрогивался до 1881 г. и обѣ стороны равно считали себя законными владѣтелями этихъ участковъ; когда же Россіи пришлось проводить границы съ такимъ расчетомъ, чтобы при условіи опредѣленія областей, составлявшихъ нѣкогда части Кокандскаго ханства, завоеваннаго нами, присоеди

нить ихъ къ нашимъ владѣніямъ на основаніи добровольнаго соглашенія, то возникъ сразу вопросъ: — гдѣ были границы павшаго Кокандскаго ханства? Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явилась какая-то нерѣшительность въ нашихъ дѣйствіяхъ, затянувшая вопросъ о точномъ разграниченіи и до настоящаго времени, значительно усложнившая его и не позволяющая даже приблизительно опредѣлить времени его счастливаго разрѣшенія.

Не имѣя возможности написать хотя бы краткую исторію Кашгаріи и Коканда, я не буду вдаваться въ какія-либо историческія по сему подробности, а, выяснивъ въ общихъ чертахъ географическое положеніе областей, составляющихъ такъ называемый спорный пунктъ, перейду къ изложенію событій, какъ возникшихъ естественно, такъ равно появившихся, благодаря нерѣшительности дѣйствій обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, событій, могущихъ быть подраздѣленными на нѣсколько фазисовъ въ своемъ теченіи.

Источниковъ для изученія Памировъ, ихъ географическаго, этнографическаго и др. описаній, существуетъ множество. Еще Птоломей, умершій во 2-мъ в. по Р. Х., въ своихъ сочиненіяхъ упоминаетъ объ этой мѣстности. Въ 3-мъ и 6-мъ столѣтіяхъ тамъ путешествовали китайскіе ученые: Чангъ-чжанъ-гвей санъ и др., а въ 9-мъ столѣтіи по Р. Х. съ географіей Туркестана начали знакомиться арабскіе ученые, изъ которыхъ упомяну Хордаббе, Ибнъ-Даста, Масиди, Макадасси и др. Въ 13-мъ вѣкѣ, съ основаніемъ монархіи Чингисъ-хана, появляются

Краткій географическій очеркъ Памировъ и Сарыкола.

ся описанія Памировъ по замѣткамъ политическихъ агентовъ и курьеровъ, но первымъ европейцемъ, путешествовавшимъ по средней Азіи и составившимъ болѣе или менѣе обстоятельный обзоръ Памировъ, безспорно является Марко-Поло, жившій въ 13-мъ вѣкѣ по Р. Х. 340 лѣтъ спустя послѣ него черезъ Памиръ, во время своего миссіонерства въ Китай, проѣзжалъ іезуитъ Бенедиктъ Гоэсъ; собственно же ученныя сочиненія по этому дѣлу появились только въ 19-мъ вѣкѣ, какъ вы изслѣдованія Мооркрофта (1824), Александра Борнса (1832), Абботта, Коноли и Вольфа. Съ утвержденіемъ въ 50 годахъ минувшаго столѣтія русскаго вліянія въ Илійской долинѣ, появляется капитальное изслѣдованіе отроговъ Тянь-шаня Семенова; по изслѣдованію Тянь-шаньскихъ горъ упомяну Валиханова, Голубева, Нифантьева, Проценко, Сѣверцева, Остенъ-Сакена, Полторацкаго, Краевскаго, Рейнтала и др. Всѣ вышеперечисленные лица состояли во главѣ или ученыхъ или военныхъ экспедицій. Перечислить всѣхъ путешественниковъ, изслѣдовавшихъ Тянь-шань или же его отроги и оставившихъ свои впечатлѣнія о посѣщаемыхъ ими мѣстахъ, нѣтъ никакой возможности, я только упомяну еще о нашемъ извѣстномъ путешественникѣ Федченко, (сынъ также извѣстнаго изслѣдователя Алайскихъ горъ, умершаго въ Монтре), который не оставилъ своей дѣятельности и до настоящаго времени. Краткое географическое описаніе Памировъ, составленное мною на основаніи источниковъ, помѣщенныхъ въ концѣ на-

стоящаго очерка, и карты, составленной при Туркестанскомъ военно-топографическомъ отдѣлѣ, можетъ быть сведено къ слѣдующему:

Въ географическомъ отношеніи Памиры представляютъ собою природный рубежъ между Русскимъ и Китайскимъ Туркестанами, природный водораздѣлъ между бассейнами рѣкъ Аму-дарьи, Инда и Тарима. Границу ихъ на сѣверѣ составляетъ система Алайскихъ горъ, состоящихъ изъ собственно Алайскаго хребта и хребта Заалайскаго, раздѣленныхъ между собою Алайскою долиною, посреди которой течетъ рѣка Кызылъ-су. Алайскія горы являются западнымъ продолженіемъ Тянь-шанскаго хребта и, начинаясь у перевала Суякъ или Карабель, имѣютъ общее направленіе З—З. Ю—З., но отъ р. Тузъ-дара это направленіе склоняется болѣе къ югу, а отъ р. Мукъ-су мѣняются даже и названіе, переходя въ хребетъ Петра Великаго. На югѣ границей Памирамъ служитъ цѣпь Гиндукушскихъ горъ, на востокъ ихъ крайній предѣлъ составляютъ Кашгарскія горы, а на западѣ можно провести условную линію, по направленію отъ мѣста сліянія р. Памира съ Ваханъ-дарьей къ мѣсту впаденія р. Шахъ-дары въ рѣку Пянджъ, далѣе вдоль этой послѣдней, по направленію къ хребту Петра Великаго. Имѣя между системою Алайскихъ горъ и Гиндукушемъ около 280 верстъ, почти столько же между хребтомъ Петра Великаго и оз. Рангъ-куль и около 210 верстъ между пунктами сліянія р. Памира съ Ваханъ-дарьей и р. Тагдумбанъ съ р. Кара-чукуромъ, все выше-

описанное мною пространство заключаетъ въ себѣ приблизительно около 60—65 тыс. кв. верстъ дикихъ, суровыхъ и непріютныхъ горъ, населенныхъ дикокаменными киргизами. Внутреннія цѣпи и отдѣльные хребты Памирской выси суть слѣдующіе: 1) собственно Памиръ, который дѣлится на Большой и Малый; Большой Памиръ заключается между притоками р. Пянджа, Памиромъ и Аличуромъ, въ пространствѣ замкнутомъ на сѣверо-востокъ р. Акъ-су, а на западѣ условной линіей, идущей отъ мазара Бекъ-Булта у восточнаго берега оз. Яшиль-куль, на Калаи-Цянджъ. Малый Памиръ расположенъ въ промежуткѣ между р. Памиромъ, верховьемъ р. Акъ-су, и притокомъ послѣдней р. Кара-су, именуемойся при впаденіи въ р. Акъ-су рѣкою Истыкъ. Малый Памиръ на западѣ переходитъ въ Ваханскія горы и вмѣстѣ съ ними и Большимъ Памиромъ, имѣя общее направленіе З. Ю. З. и высоту, достигающую отъ 13 до 15 тысячъ футъ, устраняетъ всякую возможность обхода при движеніи долинами рѣкъ Памира, Ваханъ-дарьи, Кара-су и Акъ-су. 2) На юго-востокъ отъ Малыхъ Памировъ, въ треугольникѣ между рѣками Вахджиромъ, Бейкъ и Акъ-су, лежитъ хребетъ Музь-тагъ. 3) Между рѣками Аличуромъ и Мургабомъ лежитъ хребетъ Базаръ-дара, а къ сѣверу отъ него между рр. Мургабомъ и Акъ-байталомъ высятся горы Музь-коль. 4) Къ востоку отъ названныхъ мною горъ, въ направленіи съ сѣверо-востока на Ю. З., тянется сплошная цѣпь Сарыкольскаго хребта, именуемого-

ся въ своемъ южномъ концѣ, вдоль рѣки Тагдум-баша -- Тагдумбашъ-Памиромъ. 5) къ западу отъ Б. Памира и хребтовъ Музъ-коль и Базаръ-дара тянутся горы, уступающія первымъ по высотѣ, подъ названіемъ Шугнанскихъ и Рушанскихъ, а на далекомъ сѣверо-западномъ концѣ описываемаго раіона, на лѣвомъ берегу р. Пянджа, до мѣста впаденія въ нее р. Ванча, идутъ горы Дарваза.

Сплошное горное пространство, извѣстное подъ общимъ наименованіемъ Памировъ и описанное мною выше, перерѣзывается рѣками и имѣетъ нѣсколько озеръ, изъ которыхъ нѣкоторые достаточно велики. Рѣки большею частью незначительны и составляютъ общую систему р. Пянджа, притока Аму-дарьи. Водораздѣломъ между системами р. Яркендъ-дарьи (или Тарима) и р. Пянджа (или Аму-дарьи) можетъ служить линія, идущая отъ перевала Вахджиръ на перевалъ Беикъ и далѣе на перевалы Найза-ташъ, Окширакъ, Чашманъ, Бердышъ, Тузакчи, Кульма, Музъ-куру, Тохъ-терекъ и Акъ-берды; притоки р. Пянджа, Ваханъ-дарья и Аличуръ, имѣютъ общее направленіе приблизительно съ востока на западъ, р. Памиръ на З. Ю. З., р. Мургабъ — съ востока на западъ. Рѣка Ваханъ-дарья беретъ свое начало у перевала Іонова подъ именемъ Хадыръ-гуртъ и течетъ на С. З., и въ 30 верстахъ отъ начала принимаетъ въ себя справа притокъ подъ именемъ Кунтей-сай; пройдя еще 10 верстъ, она круто поворачиваетъ на западъ и, за исключеніемъ незначительныхъ изгибовъ, сохраняетъ далѣе это общее направленіе.

Переправа черезъ нее возможна только по мостамъ. Верстахъ въ 120-ти отъ впаденія въ Ваханъ-дарью р. Кунтей-сай, она справа принимаетъ новый притокъ, подъ именемъ р. Памира, вытекающаго изъ оз. Зортъ-куль или Викторія. Рѣка Кунтей-сай у ур. Базаи-гумбезъ принимаетъ въ себя р. Вахджиръ, берущую начало у пер. того же имени. Въ рѣку Пянджъ, вблизи кишлака Шива, впадаетъ р. Гунтъ, вытекающая изъ оз. Яшилъ-куль и первая 45 верстъ имѣющая направленіе на З., а затѣмъ круто поворачивающая на Ю. З. и у кишлака Ямрадъ, не доходя 5 верстъ до впаденія въ р. Пянджъ, принимающая р. Ханъ или Шахъ-дару, соединяющуюся съ р. Памиръ. Въ оз. Яшилъ-куль съ востока впадаетъ р. Аличуръ-Памиръ, въ 3 верстахъ къ востоку называемая Кашня Чатыръ-ташъ; Аличуръ образуется отъ сліянія р. Гурумды, берущей начало вблизи пер. Тетеръ-су, съ р. Бузъ-тере, начинающейся у перевала того же имени. Рѣка Мургабъ впадаетъ въ р. Пянджъ у кишлака Ахунъ. Она образуется изъ сліянія р. Аксу и Акъ-байтала, соединяющихся у мазара Карагуль у крѣпости Ташъ-курганъ р. Мургабъ принимаетъ справа р. Кудару, берущую начало у пер. Янги-даванъ, и оттуда направляется на юго-западъ. Рѣка Акъ-су у рабата Тахтамышъ-бека слѣва принимаетъ въ себя рѣку Кара-су, именующуюся у впаденія рѣкою Истыкъ; р. Аксъ-су беретъ начало изъ оз. Чакмактынъ-куль и сначала течетъ подъ этимъ названіемъ; у рабата р. Аксу сливается съ р. Беикъ и именуется рѣкою Кара-су

до мѣста слиянія съ р. Истыкъ, отсюда же снова имѣетъ названіе рѣки Акъ-су. Рѣка Акъ-байталъ беретъ начало у перевала того же имени. Всѣ поименованные рѣки составляютъ бассейнъ рѣки Пянджа. Въ сѣверной части Памировъ, въ котловинѣ, лежитъ большое оз. Кара-куль и въ него падаютъ нѣсколько рѣкъ; изъ нихъ наиболѣе значительная рѣка Музь-коль, которая, начинаясь у перевала Акъ-байталъ, сначала течетъ подъ этимъ именемъ на сѣверъ до уроч. Суокъ-чубыръ, отсюда на С. З. подъ именемъ рѣки Музь-коль, принявши справа р. Кызылъ-джикъ и Ульбель, а затѣмъ подъ именемъ р. Джегеръ-уй впадаетъ въ оз. Кара-куль. Къ востоку отъ Акъ-байтала лежатъ расположенные смежно два озера: Шоръ-куль и Рангъ-куль. Всѣ перечисленные рѣки въ военномъ отношеніи имѣютъ лишь то значеніе, что только въ долинахъ ихъ войска могутъ находить относительно хорошія бивачныя мѣста и подножный кормъ, вся же природа остального пространства Памирскаго плато на столько сурова и дика (благодаря конечно своей высотѣ, между 10 и 12 тысячъ фут.), что даже мѣстные номады-киргизы не выносятъ ея негостепріимности и перекочевываютъ или въ предѣлы Авганистана или Китая, почему, за отсутствіемъ на этомъ пространствѣ подножнаго корма и по причинѣ малой населенности Памировъ, трудно предположить, чтобы эта площадь стала когда-либо театромъ военныхъ дѣйствій, не только главнымъ, но даже вспомогательнымъ. „Во всѣхъ частяхъ Памирской степи,

говоритъ Риттеръ въ своемъ сочиненіи „Восточный Туркестанъ“ (т. II, стр. 495), „снѣгъ идетъ постоянно въ теченіе октября и ноября, февраля и марта и выпадаетъ иногда мѣстами въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ и сентябрѣ, послѣ дождей, случающихся въ эти мѣсяцы. Никакіе плоды, никакія зерна не могутъ расти на Памирской степи, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ богатѣйшими пастбищами для полевыхъ козъ, овецъ и яковъ“. Необходимо прибавить, что пастбища существуютъ только въ долинахъ рѣкъ.

Пригодность Памировъ для военной цѣли можно допустить только съ демонстративной цѣлью, а именно воспользоваться ими для неожиданнаго дебушированія изъ нашей Ферганы въ Бадахшанъ и далѣе, смотря по обстоятельствамъ. Въ юго-западномъ участкѣ Памировъ удобныхъ дорогъ, въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать, нѣтъ, но всюду есть тропы, хотя и неимѣющіяся на картахъ, но тѣмъ не менѣе существующія, пролегающія преимущественно по ущельямъ горныхъ рѣкъ и, благодаря направленію ихъ долинъ, ведущихъ прямо въ долину рѣки Пянджъ; подобное дебушированіе можетъ быть произведено безъ особыхъ затрудненій, а своею неожиданностью, благодаря установившемуся мнѣнію о непроходимости Памировъ, можетъ произвести поразительный эффектъ на неожиданнаго подобнаго движенія противника. Но къ этому необходимо прибавить, что войска, оперирующія въ этомъ районѣ, могутъ разсчитывать только на подножный кормъ, топливо

и мясо; остальныхъ продуктовъ, а также перевозочныхъ средствъ страна доставить не въ состояніи и ими пришлось бы, въ случаѣ нужды, запасть изъ внутренней Ферганы.

Дико и пустынно пространство Памирской выси; лишь въ южной части слегка касается ея торговый путь и на остальномъ пространствѣ ни одна торговая дорога не пересѣкаетъ ее, а всѣ существующія обходятъ въ стороны: съ востока въ Кашгарію и съ запада на Афганистанъ и Персію. Такимъ образомъ Памиры ни въ какомъ отношеніи не могутъ имѣть интереса, ни въ смыслѣ производительности почвы, ни въ смыслѣ торговли. Казалось бы, какая можетъ быть выгода для того, чтобы спорить изъ-за права обладанія ими?

Сарыколь.

Съ юго-востока къ Памирской выси прилегаетъ мѣстность, имѣющая общее названіе „Сарыкола“. На имѣющихся картахъ подъ этимъ именемъ разумеются не одинаковыя мѣстности, такъ напримѣръ: по картѣ подполковника Громбчевскаго, Сарыколомъ названо пространство, занимающее р. Туманчи, Тагарму и систему озеръ: Малаго Кара-куля и Булунъ-куля. На картѣ лорда Керзона, приложенной къ сочиненію его *The Pamirs and the source of the Oxus*, Сарыколомъ названо пространство, занятое бассейнами рѣкъ Кара-су, Тагдумбашъ-Памира и Раскемъ-дарьи. На картѣ, приложенной къ сочиненію Минаева „Верховья Аму-дарьи“, Сарыколь показанъ въ бассейнѣ р. Тагдумбашъ-Памира и къ югу отъ Яркендъ-дарьи. На картѣ же центральной Азіи, иллюстрирующей со-

чиненіе „*Skrine and Ross*“, Сарыколь вовсе не обозначенъ. Вѣрнѣе было бы назвать Сарыколомъ всю прилегающую къ юго-восточной части Памиръ мѣстность, составляющую систему рѣкъ, образующихъ верховья рѣки Яркендъ-дарьи, одного изъ главныхъ притоковъ рѣки Тарима. Вся эта мѣстность представляетъ изъ себя возвышенности Сарыкольскихъ горъ и Тагдумбашъ-Памира, прорѣзанныя рѣками: Кара-чукуромъ, Тагдумбашъ-Памиромъ, Тагармой и верховьями рѣки Раскемъ-дарьи, относящимися къ системѣ р. Тарима. Рѣка Кара-чукуръ беретъ начало у перевала Вахджиръ, высотой въ 15 т. фт., и направляется, за исключеніемъ незначительныхъ изгибовъ, на востокъ; она протекаетъ по узкому каменистому ущелью, и лишь въ незначительныхъ своихъ мѣстахъ представляетъ небольшія пастбища. Въ изданномъ англійской разграничительной комиссіей 1895 г. сочиненіи „*Report on the Proceedings of the Pamirs Boundary commission*“, въ описаніи рѣки Кара-чукура, составленномъ Гольдвичемъ, сказано, что на пути съ Малаго Памира къ рѣкѣ Кара-чукуръ встрѣчаются большіе киргизскіе поселки, а на рѣкѣ Кара-чукуръ тучныя пастбища; я проѣзжалъ вдоль всей долины рѣки Кара-чукура и встрѣчалъ лишь мѣстами незначительныя пастбища, остальное пространство представляло собой каменистую узкую лоцину рѣки. Изъ правыхъ притоковъ рѣки Кара-чукура можно назвать небольшія рѣчки Минъ-теке и Калликъ, а изъ лѣвыхъ—р. Кокъ-турукъ, Тегермень-су и р.

Бейкъ. Въ 55 верстахъ отъ своего истока р. Кара-чукуръ, соединяясь у уроч. Гуджаръ-бай, съ р. Илы-су, образуетъ рѣку Тагдумбашъ-Памиръ, которая течетъ въ С. С. З. направленіи; размѣры ея невелики, но во время таянія снѣговъ, переправа въ бродъ и верхомъ становится невозможною и доступною только по мостамъ. У укрѣпл. Ташъ-курганъ долина р. Тагдумбаша расширяется и образуетъ роскошныя пастбища шириною до двухъ съ половиною верстъ и длиною до 4—5 верстъ. Въ 10 верстахъ къ сѣверу отъ укрѣпл. Ташъ-кургана, р. Тагдумбашъ-Памиръ круто поворачиваетъ на востокъ, теряетъ свое названіе и переходитъ сначала въ р. Ташъ-курганъ, а затѣмъ въ р. Яркендъ-дарью. Отъ перевала Улуго-рабатъ на югъ направляется долина р. Тагармы, которая подъ названіемъ р. Кара-су, соединившись съ Тагдумбашъ-Памиромъ, у мѣста поворота ея на востокъ, образуетъ р. Ташъ-курганъ и Яркендъ-дарью. Долина р. Тагармы представляетъ собою богатѣйшія пастбища, могущія снабжать травой все населеніе Сарыкола.

Населеніе Сарыкола дѣлится на осѣдное и кочевое; къ первому принадлежатъ таджики, ко второму таджики и киргизы. Сарыколь принадлежитъ Китайской Имперіи, составляя Сарыкольскій округъ Кашгарскаго даотайства Синь-цзянской провинціи, округъ, управляемый особымъ амбанемъ, соединяющимъ въ своей власти административное и военное управленіе и подчиненнымъ Яркендскому окружному начальнику. Въ помощь амбаню назначенъ Сарыкольскій

бекъ „хакимъ“ и таковымъ въ настоящее время состоитъ Керимъ-бекъ, потомокъ бывшаго владѣтеля этого округа, Бабашъ-бека. Войска, дѣйствующія въ этомъ районѣ, могутъ найти на мѣстѣ: мясо, дрова, перевозочныя средства и избытокъ фуража. На остальные продукты въ настоящее время рассчитывать нельзя, такъ какъ хотя почва и представляетъ всѣ условія для успѣшнаго земледѣлія, но, по причинѣ отсутствія надлежащихъ способовъ обработки, не используется въ той мѣрѣ, въ какой это было-бы возможно. Сарыколь имѣетъ значеніе какъ мѣстность, черезъ которую проходятъ торговые пути изъ Авганистана и Канджута, прилегающаго къ Сарыколу съ юга, въ Кашгаръ, Яркендъ и Хотанъ. Изъ Вахана удобнѣйшая дорога проходитъ лѣтомъ по Б. Памиру черезъ перевалъ Найза-ташъ въ Ташъ-курганъ, а зимою по Малому Памиру также въ Ташъ-курганъ; есть еще путь, ведущій черезъ перевалъ Вахджиръ, но, по причинѣ трудной проходимости послѣдняго, онъ менѣе употребляется. Изъ Канджута въ Сарыколь ведутъ слѣдующія дороги: отъ сѣверной границы Канджута дороги черезъ перевалъ Калликъ и Минътеке, а изъ сѣверо-восточной части черезъ перевалы Хунджуръ-абъ и Парпакъ; первая двѣ выводятъ въ ущелье р. Кара-чукура а вторыя двѣ къ р. Илысу и далѣе къ ур. Уджабъ-бай, гдѣ р. Илысу впадаетъ въ рѣку Тагдумбашъ-Памиръ. Перевалъ Калликъ, благодаря своей значительной высотѣ надъ уровнемъ моря (около 16000 фута), зимою въ промежутокъ времени отъ декабря до мая трудно прохо-

димъ, по причинѣ большихъ снѣговъ, выпадающихъ на немъ въ это время. Переваль Минъ-теке болѣе доступенъ и проходимъ во всякое время года. Переваль Хунджуръ-абъ представляетъ собою удобнѣйшій проходъ изъ Канджута въ Сарыколь, но дорога черезъ него кружна; переваль-же Парпакъ крутъ въ сторону Сарыкола и зимою не всегда удобопроходимъ. Такимъ образомъ, изъ перечисленныхъ мною переваловъ, Минъ-теке и Хунджуръ-абъ удобнѣйшіе, но преимущество остается за переваломъ Минъ-теке, такъ какъ дорога черезъ него кратчайшая (Худо-абадъ—Минъ-теке—Уджадъ-бай 105 в. Худо-абадъ—Хунджуръ-абъ—Уджадъ-бай—123 в.) и все время вплоть до ур. Муркушъ идетъ по населенной мѣстности; при движеніи же на Хунджуръ-абъ дорога идетъ по безлюдной мѣстности, на которой лишь за переваломъ Хунджуръ-абъ попадаются кочевники таджики. Такимъ образомъ, единственнымъ удобнымъ для сообщенія между Канджутомъ и Сарыколомъ переваломъ можно признать Минъ-теке, на который въ настоящее время разрабатывается уже дорога изъ Гильгита къ р. Кара-чукуру. Торговый путь изъ Сарыкола въ Кашгаръ ведетъ долиною р. Геза, вѣрнѣе ея узкимъ каменистымъ ущельемъ; но лѣтомъ, по причинѣ таянія снѣговъ, р. Гезъ сильно разливается и дѣлается доступною только по мостамъ, которыхъ на ней совершенно надежныхъ нѣтъ; наиболѣе удобный путь ущельемъ Геза проходитъ зимою, когда рѣка замерзаетъ; въ остальное время приходится двигаться кружной дорогой, черезъ уроч. Чиль-гумбезъ и г.

Янги-гиссаръ. Торговый путь изъ Сарыкола въ Янги-гиссаръ, Яркендъ и Хотанъ проходитъ отъ уроч. Чиль-гумбезъ долинами рѣкъ Кингъ-кола и Чаарлина, а иногда, когда р. Яркендъ-дарья не разливается, долиною этой послѣдней, заключающей удобнѣйшую дорогу.

Изъ этого краткаго обзора Сарыкола можно видѣть его значеніе вообще, а въ частности такихъ пунктовъ, какъ уроч. Гуджаръ-бай, укрѣпл. Ташъ-курганъ и уроч. Чиль-гумбезъ. Съ Памирами Сарыколь сообщается дорогой, идущей по р. Аксу на переваль Бердышъ въ долину Тагармы, или-же отъ оз. Мал. Кара-куль на оз. Рангъ-куль, и далѣе внизъ по р. Акъ-Байталъ къ Мургабу; эта послѣдняя дорога хотя и болѣе кружная, но болѣе удобная.

Хотя и невозможно въ настоящемъ краткомъ очеркѣ изложить историческое прошлое Сарыкола, но для лучшаго пониманія излагаемыхъ ниже событій необходимо добавить, что Сарыкольскій округъ вмѣстѣ съ Памирами составляли вассальное владѣніе Кокандскихъ хановъ, управляемое особыми ханами родовичами по назначенію изъ Коканда; правда эти намѣстники неоднократно объявляли себя независимыми и, благодаря неприступной мѣстности, нѣкоторое время пользовались своею независимостью, но при первой же возможности составшіе снова ощущали на себѣ могущество своего сѣвернаго сюзерена. Колеблясь между тяготѣніемъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, то къ китайцамъ, то къ Коканду, Сарыкольскіе правители

оставили мало пріятныхъ воспоминаній о себѣ въ своемъ народѣ и были причиной того, что настоящіе обитатели Сарыкола относятся безучастно къ тому кто ими править. Вѣроятно эти правители и выработали среди таджиковъ наклонность ко лживости и всякаго рода интригамъ, имѣющимъ лишь въ своемъ основаніи необъяснимую страсть ко всякаго рода волненіямъ; объ искреннемъ сочувствіи народа къ кому-либо не можетъ быть и рѣчи и только ихъ теперешніе владыки-китайцы возбуждаютъ со стороны населенія къ себѣ чувство безоппадной насмѣшки и глумленія, соединенныхъ однако съ животнымъ страхомъ передъ возможностью безчеловѣчнаго наказанія. Последнимъ правителемъ въ Сарыколѣ, непосредственно передъ завоеваніемъ его Якубъ-бекомъ, былъ сынъ Бабаши-бека, по имени Алафи-шахъ, потомокъ стариннаго рода, происходящаго отъ Шальвера, владѣвшаго Сарыколомъ еще во времена владычества Восточнымъ Туркестаномъ калмыцкихъ государей. Бабаши-бекъ иногда признавалъ себя въ зависимости отъ китайцевъ, но въ дѣйствительности скорѣе былъ независимымъ правителемъ, имѣющимъ болѣе основанія тяготѣть къ Кокандскому хану, нежели къ идолопоклонникамъ китайцамъ. Сарыколъ окончательно былъ взятъ Якубъ-бекомъ въ 1868 году.

Политика Англичанъ.

Къ югу отъ Сарыкола и непосредственно къ нему примыкая находится Канджухъ, ханъ котораго состоялъ въ вассальной зависимости отъ Китая; восточнѣе его — Кашмиръ, раджа котораго считался въ сферѣ вліянія Англіи; Черезъ Малый Тибетъ и

городъ Ладакъ шла единственная торговая дорога изъ Британской Индіи въ Восточный Туркестанъ, и вся эта полоса отдѣляется отъ Китайскаго Туркестана хребтомъ Гиндукуша, снѣговья вершины котораго служили надежнымъ оплотомъ отъ соприкосновенія Англіи и Россіи, и за который еще не перешагнуло въ то время вліяніе Англіи. Боясь постоянно за цѣлость владѣній своихъ въ Индіи, Англія давно съ безпокойствомъ слѣдила за быстрыми завоеваніями Россіи въ Туркестанѣ и принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы создать намъ въ этомъ краѣ возможно большія затрудненія. Съ этою цѣлью въ 1870 г. къ Якубъ-беку было снаряжено, по распоряженію англійскаго правительства, посольство Форсайта съ членами Гендерсонъ и Шау, а въ 1873 г. снова посольство во главѣ того же Форсайта съ членами: подполковникомъ Гордономъ, капитанами Биддильфъ, Троттеръ и др.; оба названные посольства имѣли цѣлью склонить къ союзу Якубъ-бека, обѣщаніями ему помощи противъ Россіи и Китая и установленіемъ сухопутнаго пункта соприкосновенія между англо-индійскимъ правительствомъ и Якубъ-бекомъ. Нѣкоторыя основанія даютъ право предполагать, что англичанамъ удалось достичь своей цѣли — склоненія Якубъ-бека на свою сторону, но съ паденіемъ его, воинственные противовѣсы намъ со стороны англичанъ нѣсколько поутихли, благодаря главнымъ образомъ маркизу Риппону и лорду Дефферину, вице-королямъ Индіи, преслѣдовавшимъ болѣе мир-

ныя цѣли *). Помимо вліянія на Якубъ-бека, Англія обращала большое вниманіе на усиленіе владѣній авганскаго эмира и раджи кашмирскаго, все съ тою же цѣлью-созданія противъ насъ сильнаго буфера, отдаляющаго русскихъ отъ Британской Индіи.

Я выше уже упоминалъ, что въ 1877 г., когда владѣнія Россіи и Китая стали смежными, вопросъ о границѣ не возбуждался; китайцы внѣшне не высказывали никакихъ притязаній на Памиры; сначала они не только предоставили мѣстному населенію выбирать изъ своей среды бековъ, но даже отказались отъ взиманія государственной подати, предоставивъ закятъ со скота вполнѣ въ распоряженіе бековъ; впослѣдствіи беки стали уже назначаться китайскими властями, а ко времени возникновенія затрудненій на юго-востокѣ Ферганы обстановка становится нѣсколько иною: китайцы дѣйствовали очень энергично и умѣло — они принялись за укрѣпленіе Памировъ и Сарыкола за собой; для этого, конечно, первымъ средствомъ было распространеніе тамъ китайскаго вліянія, постановкой карауловъ, утвержденіемъ выбранныхъ населеніемъ бековъ, обязательствомъ бековъ пріѣзжать для изъявленія покорности и полученія приказаній въ Кашгаръ и др.; съ нашей же стороны ограничивались лишь абсолютнымъ молчаніемъ, правда вполнѣ выражающимъ ту мощь, которую всегда ощущала въ себѣ Россія, но которая не устраняла,

*) Секретное донесеніе Генеральнаго Консула въ Кашгарѣ Директору Азіатскаго Департамента М. И. Д. 1892 г. за № 1049.

Разграниченіе
1883—1884 гг.

а всегда усиливала слѣдующее непосредственно за этимъ молчаніемъ столкновеніе и кровопролитіе. Въ такомъ положеніи находились дѣла вплоть до 1881 г. Когда въ семидесятыхъ годахъ въ Китайскомъ Туркестанѣ вспыхнуло мусульманское движеніе, охватившее округа Турфана и Аксу и подступившее уже къ Кульджѣ, нашимъ правительствомъ, для обезпеченія русскихъ владѣній въ Семирѣчьи отъ возникновенія въ нихъ возстанія мусульманъ, временно былъ занятъ Илійскій край; благодаря великодушію русскихъ дипломатовъ, въ связи съ дѣйствіемъ по обезпеченію китайскихъ войскъ генерала Зо хлѣбомъ, оказаннымъ китайцамъ русскимъ офицеромъ, генеральнаго штаба капитаномъ Сосновскимъ, занятый нами Приілійскій край въ 1881 г. былъ возвращенъ Китаю и возникшія неожиданно дружественныя отношенія между Россіей и Китаемъ были закрѣплены Петербургскимъ трактатомъ. При заключеніи ²/₁₄ февраля 1881 г. договора, получившаго названіе также Петербургскаго, былъ внесенъ на обсужденіе вопросъ объ установленіи и проведеніи опредѣленной границы между соприкасающимися владѣніями Россіи и Китая отъ Тарбагатайскаго округа до Памировъ, который и былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; ст. IX договора между прочимъ гласила слѣдующее: „оба правительства назначать также комиссаровъ для осмотра границы и постановки граничныхъ знаковъ между принадлежащею Россіи областью Ферганскою и западною частью принадлежащей Китаю Кашгарской областью. Въ основаніе работъ комис-

саровъ будетъ принята граница существующая“. Оставалось только опредѣлить точно эту существующую границу, такъ какъ въ дѣйствительности ея не существовало. Точныхъ пунктовъ для проведенія границы не указывалось и командируемому на разграниченіе комиссару предстояла сложная и чрезвычайно трудная задача провести границу по своему взгляду при условіи, чтобы интересы Россіи не были нарушены.

Къ фактическому проведенію границы долго не приступали, а такъ какъ договоръ не опредѣлялъ таковую никакими мѣстными знаками и названіями, то заключеніе договора не помѣшало китайцамъ относиться къ понятіямъ о границѣ болѣе чѣмъ скептически; граница эта не существовала даже на бумагѣ и китайцы совершенно ее не признавали, и даже такіе перевалы, какъ Терекъ-даванъ и Таунъ-мурунъ, считали находящимися на ихъ территоріи. Для устраненія подобнаго заблужденія китайцевъ наше правительство признало болѣе невозможнымъ медлить съ вопросомъ фактического разграниченія и въ 1883 г. отъ обоихъ государствъ были командированы комиссары, имѣющіе задачей: провести границу на мѣстности, составить точныя карты пограничной полосы и результаты своихъ работъ представить своимъ правительствамъ. Для опредѣленія границы Китая съ Русскимъ Туркестаномъ съ нашей стороны были командированы разграничительные комиссары, отдѣльно для разграниченія между Семирѣчьемъ со смежными Тарбаготайскимъ и Приилійскимъ рай-

онами и между Ферганой и Кашгаріей; со стороны Китая разграничительнымъ комиссаромъ былъ назначенъ амбанъ Ша.

Не смотря на обычные приемы китайскаго комиссара и другихъ амбаней, клонившіеся къ тому, чтобы возможно болѣе испытать терпѣніе русскихъ и породить всяческія препятствія къ благополучному проведенію границы, работы по сему въ 1884 г. были закончены, карты пограничной полосы въ положенномъ числѣ экземпляровъ были составлены, комиссары ими обмѣнялись и результаты своихъ работъ представили своимъ правительствамъ. Но при проведеніи границы было допущено весьма важное недоразумѣніе, бывшее главной причиной тому, что памирскій вопросъ до настоящаго времени находится въ полной неопредѣленности. Отъ перевала Суякъ граница Ферганы съ Кашгаріей прошла на югъ черезъ перевалы: Бургуй, Когартъ, Тузъ-ашу, Толгый, Савоярдынь, Тортъ-куль, Наурусъ, Карачалъ, пер., Дунгерма и Коксу, на пер. Экизакъ, Караванъ-куль, укрѣпл. Иркештамъ, до пер. Узъ-бель. По доведеніи границы до перевала Узъ-бель, нашъ комиссаръ дальнѣйшее ея направленіе опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: отъ пер. Узъ-бель граница Китая идетъ на югъ, а граница Россіи направляется на юго-западъ; такимъ образомъ принадлежность пространства, заключеннаго между двумя расходящимися отъ пер. Узъ-бель линіями, не была точно указана, да и самое направленіе границъ можно было, при отсутствіи указанія опредѣляющихъ гра-

ницу пунктовъ на мѣстности, толковать съ самымъ широкимъ произволомъ, чѣмъ впослѣдствіи китайцы воспользовались. Въ своемъ рапортѣ на имя Туркестанскаго генераль-губернатора отъ 4 августа 1884 г. за № 259 комиссаръ по разграниченію Китайскаго Туркестана съ Ферганой подобное неопредѣленное указаніе объяснилъ тѣмъ, что не желалъ допустить осуществленія стремленія китайцевъ включить въ свои владѣнія всѣ Памиры и этимъ охватить наши владѣнія съ юга; но если таковая причина была дѣйствительной, то что могло быть проще для достиженія ея, какъ опредѣленное проведеніе границы въ этомъ мѣстѣ съ возможно большимъ соблюденіемъ интересовъ Россіи, или же, въ крайнемъ случаѣ, проведеніе пограничной черты между владѣніями Россіи и Китая отъ пер. Узъ-бель прямо на югъ. Правда и въ Петербургскомъ договорѣ южнѣе пер. Узъ-бель не было указано пунктовъ, опредѣляющихъ проведеніе границы, и это было ошибкой; но нельзя оправдать и дѣйствій нашего комиссара, которому въ этомъ случаѣ надлежало быть болѣе настойчивымъ, рѣшительнымъ, и взять на себя отвѣтственность точнаго опредѣленія границы далѣе перевала Узъ-бель. Быть можетъ выведенный изъ терпѣнія дѣйствіями китайскихъ властей русскій комиссаръ рѣшился на подобный пріемъ съ цѣлью ускоренія разграничительныхъ работъ и съ намѣреніемъ предоставить опредѣленное рѣшеніе этого вопроса времени, не исключая для русскаго правительства возможности въ будущемъ заявить свои

притязанія, на мѣстности, принадлежность которыхъ одному изъ сосѣднихъ государствъ можно было оспаривать съ успѣхомъ. Памирскій вопросъ не рѣшенъ до настоящаго времени, а потому, до его окончанія, трудно выяснить, пользу или вредъ принесъ подобный пріемъ нашего комиссара; но фактъ возникновенія вслѣдъ за симъ многихъ серьезныхъ недоразумѣній и замедленіе его окончанія уже на 20 лѣтъ нужно признать существующимъ.

Легко можно представить себѣ, что произошло въ послѣдующіе послѣ разграниченія годы: Россія, не имѣя существенныхъ интересовъ на Памирахъ и не придавая этой мѣстности большого значенія, мало обращала вниманія на непрекосновенность своей, хотя бы и сомнительной, границы на Памирахъ, но зато китайцы были по прежнему въ полной увѣренности въ принадлежности Памировъ къ владѣніямъ „Сына неба“; дѣйствія ихъ въ этомъ направленіи были обычны: воздѣйствіе черезъ бековъ на населеніе, собираніе подати, постановки карауловъ и т. п.

Происки англичанъ.

До настоящаго времени, какъ я упоминалъ выше, мы имѣли сношенія только съ Китаемъ и всѣ затрудненія, возникавшія между нами и этой страной, не угрожали чѣмъ либо серьезнымъ, такъ какъ Китай никогда не считался опаснымъ и могущимъ противопоставить нашимъ доблестнымъ туркестанскимъ войскамъ какой либо отпоръ. Англійская политика молчала; но съ назначеніемъ вице-королемъ Индіи лорда Лансдоуна, вновь выступили на сцену обычные пріемы вѣковой дву-

личной политики Англии, во вредъ распространению вліянія Россіи въ Туркестанѣ. Въ секретномъ донесеніи нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петровскаго, на имя директора Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 7 августа 1892 г. за № 1049, говорится, что съ назначеніемъ вице-королемъ Индіи лорда Лансдоуна была выдвинута вновь на сцену программа агрессивной политики, заключающей въ себѣ сближеніе Англии съ Китаемъ въ Средней Азіи; цѣль подобнаго сближенія была: приобрѣтеніе новаго рынка для сбыта товаровъ англійской промышленности и противовѣсъ дальнѣйшему распространенію вліянія Россіи. Въ сочиненіи генераль-квартирмейстера англо-индійской арміи Мекъ-Грегора „Оборона Индіи“ точно указывалась программа дѣйствій англійскаго правительства для борьбы съ Россіей въ болѣзненномъ предположеніи, что похода Россіи на Индію нужно ожидать со дня на день. Почтенный авторъ, еще предполагая занятіе нами Мервскаго оазиса, призывалъ англійское правительство обратить самое серьезное вниманіе на угрожающую ему опасность и, съ обычной всѣмъ англичанамъ беззащитчивостью, не былъ особенно разборчивъ въ рекомендуемыхъ имъ для сего средствахъ. Но вотъ занятъ нами и Мервскій оазисъ, въ 1884—1886 г., а граница на Памирахъ угрожаетъ скорымъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ владѣній нашихъ съ англійскими. У англичанъ является мысль-возможно энергично приступить къ дѣлу, но не путемъ от-

крытаго протеста, на который у Англии рѣдко хватало духу, а путемъ подпольной политики, уже раньше до сего оказавшей столько услугъ просвѣщеннымъ мореплавателямъ. Со стороны Авганистана дѣло было обезпечено; еще въ 1883 г., вслѣдствіе ссоры, возникшей между правителемъ Авганистана и правителемъ ханствъ Шугнана и Рушана, Юсуфъ-Али-ханомъ, вышеназванные оба ханства были заняты авганскими войсками, Юсуфъ-Али-ханъ былъ свергнутъ, а на его мѣсто былъ назначенъ уроженецъ гор. Кандагара, Гульзаръ-ханъ. Шугнанъ и Рушанъ издавна считались вассальными владѣніями Кокандскаго ханства и поэтому занятіе ихъ авганскими войсками было явнымъ нарушеніемъ правъ и интересовъ Россіи; вопреки всякимъ своимъ интересамъ, правительство наше за разрѣшеніемъ этого вопроса обратилось не къ Авганскому эмиру, прямому нарушителю нашихъ правъ, а къ англійскому правительству съ просьбой побудить Авганскаго эмира навсегда отказаться отъ вліянія на дѣла Шугнана и Рушана; конечно, англійское правительство отвѣчало уклончиво, а впослѣдствіи, упрочивъ за Авганистаномъ Бадахшанъ и Ваханъ, создало новый знаменитый буфферъ между нами и своими владѣніями, клиномъ врѣзывающійся между ними. Сохранивъ за собою официально признанное нами вліяніе на авганскія дѣла и обезпечивъ себя до нѣкоторой степени съ этой стороны, англійское правительство задалось цѣлью воспользоваться неопредѣленностью нашей границы на Памирахъ, на основаніи этого создать недоразумѣнія между нами

и китайцами, а когда возникнуть вновь спорные вопросы, то всячески затормозить благоприятное окончание Памирскаго разграниченія, путемъ воздѣйствія въ этомъ смыслѣ на китайцевъ. Пока еще смутное, это намѣреніе приняло опредѣленный характеръ лишь въ 1890 г., когда и наше правительство, озабоченное все болѣе и болѣе возникающими недоразумѣніями по вопросу о принадлежности южной территоріи Памировъ и обезпеченное безцеремонными дѣйствіями китайцевъ, основанными на неопредѣленности границы, указанной протоколомъ комиссаровъ разграничительной комиссіи 1884 г., рѣшило нѣсколько пролить свѣтъ на это дѣло и возстановить нарушенные наши интересы на юго-востокѣ Ферганы.

Въ августѣ 1890 г. въ Кашгаръ, черезъ Яркендъ, прибыла англійская миссія, во главѣ которой стоялъ капитанъ англійской службы Юнгхесбендъ и членомъ ея былъ Бичъ; съ ними прибылъ также путешественникъ Ленардъ; при миссіи секретаремъ и переводчикомъ состоялъ молодой чиновникъ Макартней. Капитанъ Юнгхесбендъ былъ опытный и чрезвычайно искусный развѣдчикъ, извѣстный уже въ то время путешествіемъ своимъ въ Манчжурію. Когда миссія прибыла въ Кашгаръ, то, изъ разговоровъ чиновъ ея съ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кашгарѣ, выяснилось, что задача миссіи — учрежденіе въ Кашгарѣ англійскаго консульства. Китайскія власти вопросъ объ учрежденіи въ Кашгарѣ консульства встрѣтили крайне несочувственно, но, не

смотря на вполне опредѣлившійся взглядъ ихъ, миссія продолжала свое пребываніе въ Кашгарѣ, а представитель ея, капитанъ Юнгхесбендъ, продолжалъ свои таинственные сношенія съ Кашгарскимъ даотамъ. Еще нѣсколько времени спустя, одинъ изъ членовъ миссіи — Бичъ — заявилъ о своей крайней необходимости проѣхать въ Ташкентъ; разрѣшеніе на проѣздъ Бича въ Ташкентъ вскорѣ отъ Туркестанскаго генералъ-губернатора послѣдовало, но со стороны нашего консула послѣдовало распоряженіе слѣдить за подозрительнымъ иностранцемъ. Когда Бичъ возвратился въ Кашгаръ, стало извѣстно, что имъ на почту сданъ былъ большой казенный пакетъ, адресованный въ Лондонъ, и пакетъ этотъ у насъ даже не пытались задержать. Англійская миссія начала внушать серьезныя подозрѣнія тѣмъ, что ничѣмъ положительнымъ не могла объяснить своего продолжительнаго пребыванія въ Кашгарѣ и о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Наконецъ начали ходить опредѣленные слухи, что учрежденіе въ Кашгарѣ англійскаго консульства — цѣль второстепенная, а главная цѣль миссіи — это, путемъ воздѣйствія на китайскихъ властей, склонить ихъ на тайное разграниченіе Памировъ, узаконить это проведеніемъ границы на картахъ и этимъ создать, вѣроятно въ будущемъ, серьезное недоразумѣніе между Россіей и Китаемъ.

1-я Памирская
экспедиція от-
ряда Юнова.

Нашему правительству настало время серьезно озаботиться о неприкосновенности, добытыхъ русскою кровью, владѣній, тѣмъ болѣе, что за пе-

периодъ шестилѣтняго нашего молчанія, афганцы мало по малу захватили земли, лежащія на правомъ берегу р. Пянджа — Шугнанъ и Рушанъ, а въ восточной части Памировъ китайцы, занимавшіе первоначально (строго говоря незаконно) лишь пограничную область Сарыколь, выдвинули свои передовые посты далѣе на западъ и даже дошли до оз. Яшилъ-куль. Если даже допустить, что на Шугнанъ и Рушанъ мы претендовать не могли, то во всякомъ случаѣ имѣли безспорное право на владѣніе землями, простирающимися въ сѣверу отъ оз. Зоръ-куль и р. Пянджа, и укрѣпленными за нами Русско-Англійскимъ соглашеніемъ 1872—73 г. Для того, чтобы возобновить въ памяти нашихъ сосѣдей законныя границы, бывшимъ въ то время Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ и и командующимъ войсками округа, барономъ Вревскимъ, было рѣшено послать на Памиръ отрядъ, подъ видомъ производства охоты, а въ дѣйствительности для возстановленія пограничныхъ русскихъ правъ въ томъ краѣ. Дабы избѣгнуть нежелательныхъ слуховъ и толковъ, отрядъ былъ составленъ изъ 32 казаковъ и 80 человекъ пѣхоты, причемъ пѣхота состояла изъ людей охотничьихъ командъ Туркестанскихъ баталіоновъ; во главѣ отряда былъ поставленъ командиръ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона полковникъ Іоновъ (нынѣ командующій войсками Семирѣченской области), которому вмѣнялось въ обязанность: „выяснить положеніе, занятое китайцами и афганцами въ этой мѣстности, и восстано-

вить права Россіи на эту часть наслѣдства бывшихъ Кокандскихъ хановъ;“ китайскимъ властямъ, черезъ нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, было объявлено, что отрядъ двигается исключительно съ цѣлью производства практической охоты. Самъ командующій войсками Туркестанскаго военного округа, баронъ Вревскій, собирался посѣтить Алай и быть въ Иркештамѣ.

Слухъ о посылкѣ на Памиръ отряда полковника Іонова и о приѣздѣ на Алай самаго „ярымъ-падишаха“ (какъ называютъ Туркестанскаго генераль-губернатора) разнесся чрезвычайно быстро и, благодаря этому, въ Афганистанѣ, немедленно по полученіи этого извѣстія, были усилены посты въ Ваханѣ, Кала-Пянджѣ, и Сархадѣ.

Отрядъ полковника Іонова было предположено собрать къ 10 Іюля 1891 г. въ Алайской долины у мазара Боръ-даба; отсюда отрядъ предполагалось направить на Памиръ къ верховьямъ р. Акъ-байтала, гдѣ пѣхота и казаки должны раздѣлиться: пѣхота остаться у верховьевъ р. Акъ-байтала и охотиться, служба вмѣстѣ съ тѣмъ резервомъ для казаковъ, казаки же съ начальникомъ отряда должны были направиться вдоль китайской и афганской границъ для изслѣдованія мѣстностей, прилегающихъ къ пер. Узъ-бель, оз. Рангъ-куль, Кырымъ-курумъ, пер. Беикъ и Вахджиръ, оз. Зоръ-куль и Яшилъ-куль, пер. Марджанай и оз. Б. Кара-куль.

Если за первый фазисъ развитія Памирскаго вопроса можно принять проведеніе границы на-

шимъ Комиссаромъ въ 1884 г., то съ момента появленія къ Кашгарѣ англійской миссии и посланки на Памиръ отряда полковника Ионова наступаетъ второй фазисъ въ ходѣ дѣлъ на этомъ районѣ.

Отрядъ полковника Ионова дѣйствительно 10 іюля собрался въ Алайской долині у мазара Боръ-даба, а къ этому же времени у пребывающаго въ Кашгарѣ англійскаго капитана Юнгхесбенда явилась неотложная надобность проѣхать на оз. Б. Кара-куль. Составъ англійской миссии къ этому времени нѣсколько измѣнился: Ленардъ и Бичъ изъ Кашгара уѣхали, но на ихъ смѣну прибылъ лейтенантъ англійской службы Девинсонъ, котораго Юнгхесбендъ, какъ только узналъ о сборѣ отряда Ионова, секретно командировалъ на Памиры съ секретнымъ же порученіемъ — слѣдить неотступно за отрядомъ и дѣйствіями полковника Ионова; самъ же Юнгхесбендъ поѣхалъ на оз. М. Кара-куль и затѣмъ черезъ Сарыколь къ пер. Вахджиръ, гдѣ и остановился, имѣя цѣлью главное наблюденіе за дѣйствіями русскихъ.

10 іюля 1891 г. полковникъ Ионовъ съ отрядомъ выступилъ съ мазара Боръ-даба, а къ 12 іюля расположился на р. Музь-коль; отсюда, какъ и предполагалось, отрядъ раздѣлился: казаки съ начальникомъ отряда пошли на пер. Узъ-бель, затѣмъ на урочище и перевалъ Иши, на оз. Рангъ-куль; пѣхота съ вьюками была направлена на пер. Акъ-байталъ. Съ оз. Рангъ-куль казаки двинулись по р. Аксу къ мазару Ша-джанъ, въ 4

верстахъ выше котораго соединились съ пѣхотой, вышедшею сюда съ верховьевъ р. Акъ-байтала съ цѣлью подвинуться ближе къ казакамъ и охотиться на р. Аличуръ, а затѣмъ у оз. Яшилъ-куль снова соединиться съ казаками и начальникомъ отряда. Отъ Ша-джана казаки пошли на рабатъ Акъ-ташъ, причемъ производили во время своего слѣдованія рекогносцировку, а полковникъ Ионовъ разставлялъ пограничные знаки, представляющіе изъ себя невысокій столбъ съ надписью „полковникъ Ионовъ“ и годъ. Я усиленно подчеркиваю, что Ионовъ ставилъ столбы, имѣющіе значеніе пограничныхъ, но не значеніе обыкновенныхъ какихъ либо знаковъ. Такимъ образомъ первоначальная цѣль, поставленная отряду, была нѣсколько измѣнена; правда полковникъ Ионовъ, проходя по намѣченному ему пути, освѣдомлялся у попадавшихся ему жителей о принадлежности ихъ къ подданству и приучалъ населеніе къ мысли о принадлежности занятой имъ территоріи русскому правительству, но постановка пограничныхъ знаковъ въ официальную инструкцію, преподанную полковнику Ионову, не входила.

Отрядъ полковника Ионова направился съ Акъ-таша на пер. Бейкъ, а сзади него въ двухъ переходахъ слѣдовалъ лейтенантъ англійской службы Девинсонъ; у перевала Вахджиръ находился Юнгхесбендъ и кромѣ того по Алайской долині съ княземъ Голицынымъ и генераломъ, барономъ Вревскимъ, ѣхалъ третій секретарь Великобританскаго посольства въ Петербургѣ, Эллиотъ, выхло-

потавший себя разрешение прохаты по Средней Азии и негласно имевший поручение видеть возвращающийся из командировки Памирский отряд полковника Ионова. Из этого можно видеть, насколько внимательно и искусно следили за нами англичане и на сколько небрежно относились к этому наши туркестанские власти. Впрочем шпионство английских агентов не прошло для них вполне благополучно: лейтенант Девинсон уехал на Памиры экстренно, помимо желания и разрешения нашего генерального консула в Кашгарь, и действительный статский советник Н. Ф. Петровский дал немедленно об этом знать Туркестанскому генерал-губернатору. Лейтенант Девинсон, намеревавшийся, проследив скрытно отряд Ионова, следуя за ним по пятам в разстоянии одного перехода, направиться в Вахан или же на Тагдумбашь-Памирь, не дожидая пер. Бейк, был арестован полковником Ионовым и препровожден под конвоем в Маргелань; из Маргелана лейтенанта Девинсона препроводили в Кашгарь, для высылки в Индию. Капитан Юнгхесбенд действовал более открыто, а следовательно и более дерзко; по мере движения отряда полковника Ионова к оз. Зорь и Яшил-куль, капитан Юнгхесбенд, находившийся первоначально у пер. Вахджирь, переехал ближе к отряду Ионова и поместился у мазара Базаи-гумбезд, лежащего у места слияния реки Вахджирь с р. Кунтент-сай. Получив сведения о нахождении у мазара Базаи-гумбезд английского офицера и до-

гадавшись о преследуемых этим офицером целях, полковник Ионов быстро направился к нему, арестовал его, но затем разрешил немедленно отправиться через Канджурт в Индию и дать подписку с обязательством впредь никогда не переступать без разрешения границу русских владений в том районе. Капитан Юнгхесбенд выполнил все справедливые требования полковника Ионова, правда не вполне охотно, но зато поступив вполне благоразумно при виде полной невозможности к какому либо оправданию и сопротивлению. Обещав немедленно же уехать, капитан оставил полковнику Ионову письменное собственноручное обязательство, которое настолько интересно, что я считаю необходимым привести его здесь полностью; вот оно:

Je fais cette declaration, que je retournerai demain le dix huit Aout 1891 sur la territoire Chinoise par le passe de Wakhajrui d'après les ordres recus par le colonel Jonoff du gouvernement Russe et que je ne retournerai pas sans permission du gouvernement ci-dite par les passes suivants:

1) Irkestam	9) Ak-berdi
2) Uch-bel	10) Kum jilga
3) Kara-art	11) Tokh-terek
4) Kara-zak	12) Muz-kuru
5) Uz-bel ou Kizil-jek	13) Kulma
6) Johi	14) Chashman
7) Oi-balgin	15) Dun-keldik
8) ra-mati	16) Ok-shearak

- 17) Shindu ou Neza-tash 21) Jrshad
 18) Baigik 22) Bai-kara ou Khorja-
 19) Mikhmanduli gurt.
 20) Wakhijrui

Cette declaration est faite sous proteste.

На подлинномъ подписъ:

J. E. Jounghusband.

Capitain

King Dragon guards

Bazai-gumbaz

Aout 17, 1891.

Въ тотъ же день, т. е. 17 августа 1891 г., капитанъ Юнгхенсбэндъ покинулъ мѣстность, на которой ему пришлось испытать нѣсколько непріятныхъ минутъ. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени онъ обратился съ письмомъ къ нашему генеральному консулу, прося разрѣшенія проѣхать черезъ обозначенную имъ самимъ границу, для того, чтобы представить отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ подлежащему начальству, и этимъ доказать, что возложенное на миссію порученіе не ограничивалось вопросомъ объ устройствѣ англійскаго консульства въ Кашгарѣ.

Вышеприведенный мною документъ является въ высшей степени интереснымъ и важнымъ документомъ, какъ могущій служить доказательствомъ законности нашихъ притязаній, законность которыхъ признана даже англичанами; въ самомъ дѣлѣ, поименованные въ деклараціи Юнгхенсбэнда

перевалы представляютъ ничто иное, какъ указаніе той границы, которую считали вполне справедливой наши исконные враги и которой намъ слѣдовало бы держаться неуклонно; хотя подписка Юнгхенсбэндомъ дана была съ нѣкоторымъ принужденіемъ, но капитанъ Юнгхенсбэндъ переименовалъ перевалы не по принужденію и диктовку полковника Іонова, а самостоятельно, и этимъ высказалъ, какую границу въ этомъ мѣстѣ англичане признаютъ наиболѣе справедливой.

Отрядъ полковника Іонова продолжалъ свое движеніе: 21 іюля 1891 г. черезъ пер. Бейкъ вышелъ къ верховьямъ р. Кара-чукура, пошелъ по этой рѣкѣ на перевалъ Вахджиръ и къ 25 іюля достигъ Базаи-гумбеза. 26 іюля направился на пер. Борогиль, вверхъ по р. Бай-карѣ (лѣвому притоку Ваханъ-дарьи), перешелъ черезъ Гиндукушъ, черезъ перевалъ, названный его именемъ, и, пройдя вдоль южной подошвы Гиндукуша, черезъ перевалъ Борогиль, снова спустился у Сархада въ долину р. Ваханъ-дарьи, и къ 1 августа возвратился въ Базаи-гумбезъ. Отсюда полковникъ Іоновъ направился въ долину р. Памира на соединеніе съ пѣхотой и 11 августа вышелъ черезъ Харгошъ къ уроч. Сомэ на р. Аличуръ, у озера Яшиль-куль соединился съ пѣхотой. Нужно удивляться тому, какое огромное пространство было пройдено энергичнымъ офицеромъ, но къ сожалѣнію результаты, достигнутые командировкой отряда, въ послѣдствіи были сведены на ничто. Съ озера Яшиль-куль отрядъ полковника Іоно-

ва возвратился обратно въ г. Ошъ, такъ какъ почелъ свою задачу выполненной.

Памирскій отрядъ Ионова выполнилъ возложенное на него порученіе лишь съ небольшимъ отступленіемъ въ маршрутѣ, а именно: осмотрѣлъ неизвѣстный, но очень удобный перевалъ черезъ Гиндукушъ, въ верховьяхъ рѣки Бай-кары, впадающей въ р. Ваханъ-дарью въ 15 верстахъ ниже Базаи-гумбеа. На всемъ пройденномъ пути отрядъ встрѣчалъ китайскіе караулы изъ конныхъ джигитовъ на оз. Рангъ-куль и при устьѣ р. Истыка въ долинѣ рѣки Аксу, кромѣ того полковникъ Ионовъ встрѣтилъ небольшой конный отрядъ дунганъ и киргизъ подъ начальствомъ Чжанъ-дарина на уроч. Сомэ у восточнаго берега оз. Яшилъ-куль. Киргизскіе караулы на оз. Рангъ-куль и р. Аксу были Ионовымъ оставлены на своихъ мѣстахъ, но Чжанъ-дарину съ его коннымъ отрядомъ было энергично приказано очистить Аличуръ-Памиръ, что амбанъ выполнилъ безпрекословно.

Для управленія киргизскимъ населеніемъ, кочующимъ на Аличурѣ, Мургабѣ, Рангъ-кулѣ, полковникомъ Ионовымъ былъ утвержденъ въ должности бека, находившійся въ ней до прихода Ионова и назначенный еще китайцами, Курумчи.

Отрядъ дѣйствительно прошелъ по мѣстности, жители которой колебались относительно своего подданства; отрядомъ были разставлены пограничные столбы. Кромѣ того для управленія населеніемъ принимались энергичныя распоряженія и

утверждались беки; отрядъ дѣйствовалъ какъ бы на принадлежащей безъ всякаго сомнѣнія русскимъ территоріи; но всѣ эти дѣйствія, не смотря на свою цѣлесообразность, тогда принесли бы свою пользу, если бы, немедленно за прохожденіемъ по Памиру отряда, были санкціонированы какимъ либо договоромъ двухъ сосѣднихъ державъ, т. е. если бы наше правительство, воспользовавшись этимъ событіемъ, настояло бы на закрѣпленіи за нами проведенной полковникомъ Ионовымъ границы въ установленномъ порядкѣ. Въ дѣйствительности ничего этого не было и когда вполнѣдствіи китайскія власти, возмущенныя посылкой отряда, указывали на разстановку полковникомъ Ионовымъ пограничныхъ столбовъ, какъ на дѣйствіе произвольное въ такомъ важномъ фактѣ, какъ разграниченіе между двумя дружественными державами, то наша администрація не постѣснялась отказать отъ факта постановки полковникомъ Ионовымъ пограничныхъ знаковъ и присутствіе столбовъ объяснила желаніемъ имѣть памятные астрономическіе пункты, точно такъ же, какъ отрицался фактъ утвержденія полковникомъ Ионовымъ въ должностяхъ бековъ (письма Туркестанскаго генераль-губернатора генеральному консулу въ Кашгарѣ дѣйствительному статскому совѣтнику Петровскому отъ 27 сентября за № 294 и отъ 4 октября за № 300, оба 1891 г.). Во все время путешествія нашего отряда на Памирахъ китайцы страшно волновались, но у нихъ не хватило духу и средствъ къ открытому сопротивленію и дѣйствія ихъ ограни-

чивались лишь тѣмъ, что съ прохожденіемъ отряда полковника Іонова по самовольно занятымъ китайцами мѣстностямъ, эти послѣднія очищались отъ карауловъ, а жителямъ и бекамъ вмѣнялось въ строгую обязанность избѣгать какихъ либо столкновений и оказывать русскимъ полное вниманіе; но лишь только удалялся Іоновъ, все приходило въ прежній порядокъ, а особенно усердные въ ласковомъ приѣмѣ русскихъ жители и беки немилосердно наказывались китайскими властями. Хотя Туркестанскій генераль-губернаторъ, баронъ Вревскій просилъ нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ объяснить появленіе нашего отряда на Памирахъ исключительно желаніемъ охотиться, но китайцы, подстрекаемые находившимися въ Кашгарѣ англичанами, плохо вѣрили и, подъ предлогомъ желанія передвинуть изъ г. Кашгара въ Яркендъ двѣ лянзы, дѣйствительно передвинули отрядъ изъ двухъ лянзъ — одной пѣшей и одной конной, всего 400 человѣкъ, — но только не въ Яркендъ, а въ карауль Эгизъ-яръ, стоящій у входа въ горы дороги, ведущей изъ Янги-гиссара къ уроч. Чиль-гумбезъ. Къ этимъ распоряженіямъ также принуждали дѣйствія нашего начальника отряда, не ограничивающіяся одной охотой. По удаленіи съ Памиръ полковника Іонова китайцы, допуская возможность повторенія послышки русскими отряда на Памиръ, рѣшили стянуть въ Сарыколь возможно большее число войскъ; для доказательства, что Памиры дѣйствительно принадлежатъ издавна китайцамъ, были отданы секретныя

распоряженія о томъ, чтобы въ опредѣленныхъ пунктахъ, на предполагаемой китайцами границѣ, зарыли мѣдные деньги и, приготовленные исключительно для сего, мѣдные доски съ надписями; утвержденный полковникомъ Іоновымъ въ должности бекъ Курумчи, былъ схваченъ, приведенъ въ Кашгаръ и брошенъ тамъ въ тюрьму; жители за слишкомъ ласковый приѣмъ, оказанный русскимъ, были наказаны, а всѣ дѣла и бумаги по Памирскому вопросу китайскими властями были представлены центральному управленію.

Событія въ
Канджутѣ.

Въ то время, когда на Памирахъ происходили описываемыя мною событія, на югѣ отъ Сарыкола -- въ Канджутѣ, совершалось одно изъ тѣхъ грязныхъ, темныхъ дѣлъ, которыми такъ богата исторія завоеваній Англіи. Канджутъ, небольшое ханство, находившееся въ вассальной зависимости отъ Китая. На картѣ лорда Керзона, приложенной къ сочиненію его „The Pamirs and the source of the Oxus“, едва можно найти владѣнія бывшаго Канджутскаго хана, заключающія въ себѣ пространство между рѣками Иршадомъ, Гунза и Карамбаромъ. Англія не оставалась въ бездѣйствіи во время путешествія на Памирахъ полковника Іонова; она слѣдила за движеніемъ нашего отряда, ожидая съ минуты на минуту, что за этимъ послѣдуетъ нѣчто, представляющее серьезную опасность ея владѣніямъ въ Индіи и дальнѣйшему развитію ея вліянія въ Средней Азіи.

Для того, чтобы изложенныя ниже событія были ясны, необходимо немного возвратиться назадъ.

Еще значительно ранѣе, англичане не разъ обращались къ Канджутскому хану, Сафдеръ-Али-хану, находившемуся въ вассальной зависимости отъ Китая, съ предложеніями о пропускѣ черезъ его территорію англійскихъ каравановъ и о запрещеніи движенія черезъ Канджуть каравановъ русскихъ; въ награду за это ему предлагали покровительство Индо-британской короны и ежегодную субсидію. Сафдеръ-Али-ханъ всѣ подобныя предложенія отвергалъ категорически, заявляя себя вассаломъ Китая, втайнѣ же болѣе тяготѣя къ русскимъ.

Въ 1886—87 г. для изысканія мѣстонахожденія нефрита, былъ командированъ въ Сарыколь и на Раскемъ, капитанъ Громбчевскій. Трудно рѣшить, имѣлъ ли капитанъ Громбчевскій какія-либо инныя порученія, но есть основанія предполагать, что названный путешественникъ, пріѣхавъ въ Канджуть и встрѣтивъ тамъ блестящій пріемъ, быть можетъ, подалъ хану какія-либо надежды на предполагаемое присоединеніе Канджута къ русскимъ владѣніямъ или же на помощь со стороны русскихъ на случай возможнаго столкновенія Канджутцевъ съ Англичанами. При болѣзненной подозрительности Англичанъ ясно, что подобный образъ дѣйствій Громбчевскаго, встрѣтившаго въ Канджуть блестящій и радушный пріемъ, былъ главною причиною той плачевной участи, которая постигла въ послѣдствіи несчастнаго Сафдеръ-Али-хана.

Сочувственный пріемъ, оказанный Громбчевскому въ Канджуть, и слишкомъ явное расположеніе къ русскимъ правителя Канджута, не остались неизвѣстными англо-индійскому правительству, которое рѣшило болѣе не медлить, а воспользовавшись первымъ же удобнымъ случаемъ, покончить съ Канджутскимъ ханомъ.

При появленіи на Памирахъ нашего отряда, въ составѣ котораго находился Громбчевскій, англичане серьезно обезпечились, чтобы русскіе не предупредили ихъ въ намѣреніи захватить Канджуть. По ихъ мнѣнію насталъ моментъ обезопасить себя съ этой стороны. Канджуть непосредственно заграждалъ путь изъ Кашмира и Индіи на Памиры и въ Кашгарію; другой болѣе удобной дороги не было, если не считать кружный путь изъ Индіи черезъ Ладакъ, но при этомъ, въ случаѣ какихъ либо дѣйствій на Памирахъ, необходимо было пройти большое пространство по китайской территоріи, что было не совсѣмъ удобно, и кромѣ того этотъ путь былъ слишкомъ далекъ отъ Вахана и Бадахшана. Необходимо было для Англіи обезпечить себя въ этомъ отношеніи и на будущее время возможностью, въ случаѣ надобности, во всякую данную минуту бросить на встрѣчу русскимъ въ кратчайшемъ направленіи достаточной силы отрядъ, при этомъ не одоляясь ни у кого, а распоряжаясь вполне самостоятельно. Для противодѣйствія на тотъ случай, еслибы дѣйствія русскихъ приняли рѣшительный оборотъ, правительствомъ Британской Индіи было рѣшено сосредото-

чить отрядъ для противодѣйствія, а Канджутскому хану, Сафдеръ-Али-хану, было послано предложеніе пропустить черезъ его владѣнія англійскія войска. Это предложеніе Сафдеръ-Али-ханомъ было отклонено на основаніи неимѣнія на то указаній и разрѣшенія китайскихъ властей. Отказъ этотъ не былъ неожиданностью для Англіи, онъ предвидѣлся; рѣшено было дѣйствовать, не стѣсняясь: начальнику отряда полковнику Дюранду, бывшему въ то время резидентомъ въ Гильгитѣ, отдано было приказаніе немедленно двигаться съ отрядомъ къ границамъ Канджута и поставить Сафдеръ-Али-хану опредѣленное требованіе, подъ угрозой насилій. Непосредственно передъ началомъ дѣйствія, Дюрандъ писалъ къ Аманъ-Уль-Мульку, Читральскому хану, о будущемъ занятіи Канджута и приглашалъ его къ содѣйствію какъ по занятію Канджута, такъ равно и Памировъ. Мулькъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ и втайнѣ рѣшился помогать Сафдеръ-Али-хану. Дѣйствія англичанъ впрочемъ не являлись какъ результаты соображеній, возникшихъ непосредственно передъ событіемъ; они въ данномъ случаѣ строго выполняли программу, предначертанную еще Макъ-Грегоромъ въ его сочиненіи „Оборона Индіи“; они заняли Кашмиръ, имѣли гарнизонъ въ Читралѣ, очередь стояла за Канджутомъ; кромѣ того дѣлались попытки завладѣть Кафиристаномъ, окончательно закрѣпить за Авганиномъ Шугнанъ и Рушанъ, и, войдя въ тайное соглашеніе съ китайцами, отдѣлить авганцамъ болѣе

половины Памира *). 14 іюня прибылъ посланный къ Сафдеръ-Али-хану съ извѣщеніемъ, что 5-ти тысячный отрядъ полковника Дюранда находится на границѣ Канджута съ требованіемъ, помимо пропуска отряда, постоянного пребыванія въ Канджутѣ англійскаго чиновника и свободного пропуска англійскихъ почтарей изъ Гильгита въ Кашгаръ. Положеніе Сафдеръ-Али-хана было критическое: сопротивляться англичанамъ съ имѣющимися у него силами было невозможно; китайскій даотай въ Кашгарѣ, на запросъ по этому дѣлу Сафдеръ-Али-хана, ограничивался общими указаніями—избѣгать всякихъ столкновеній (конечно подобное дѣйствіе даотая являлось какъ слѣдствіе вліянія на него пребывающаго въ Кашгарѣ Макартнея); осталось одно русское правительство, на которое Сафдеръ-Али-ханъ, помня посѣщеніе Канджута Громбчевскимъ, и возложилъ всѣ свои надежды. Въ концѣ іюня 1891 г. Сафдеръ-Али-ханъ обратился къ Туркестанскому генераль-губернатору съ письмомъ, въ которомъ излагая о событіяхъ, выражалъ надежду на содѣйствіе и спрашивалъ совѣта, какъ поступить. Положеніе въ Канджутѣ между тѣмъ было все болѣе и болѣе критическое: невѣжественный Кашгарскій даотай Хуангъ, не знавшій точно даже границъ своего отечества и совершенно поработанный подарками и увѣщаніями англійскаго агента, не смотря на точныя указанія нашего ге-

*) Донесеніе нашего генеральнаго консула въ Кашгаръ Директору Азіатскаго Департамента М. И. Д. 1891 года за № 1030.

неральнаго консула въ Кашгарѣ, что Канджуть составляетъ несомнѣнное вассальное владѣніе Китаю и слѣдовательно на обязанности его даотая, лежитъ оказать помощь Сафдеръ-Али-хану, не внимая ничему и лишь упрекалъ Сафдеръ-Али-хана въ томъ, что онъ, своими постоянными грабежами и неумѣніемъ жить въ ладу съ сосѣдями, навлекъ на себя подобное бѣдствіе. Сафдеръ-Али-ханъ снова обратился за помощью къ русскимъ: онъ послалъ письма Туркестанскому генераль-губернатору, нашему генеральному консулу въ Кашгарѣ, подполковнику Громбчевскому, и кромѣ того излагалъ свое бѣдственное положеніе Нашему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, въ которомъ просилъ, какъ самой большой милости, если ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО считаетъ его, хана, своимъ добрымъ подданнымъ, прислать въ помощь отрядъ подъ начальствомъ полковника Громбчевскаго. Но тщетны были надежды Канджутскаго хана на наше правительство: 21 ноября 1891 года изъ Гильгита къ Чальту пришелъ англійскій отрядъ въ 1500 человекъ и расположился лагеремъ; на слѣдующій день (22) отрядъ этотъ прошелъ Чальтъ и снова расположился лагеремъ у селенія Нильтъ и Маюнъ, составляющихъ уже территорію Канджута. Отсюда полковникъ Дюрандъ послалъ хану требованіе исправить дорогу отъ Чальта на Акъ-ташъ, дабы англійскій отрядъ, перейдя по ней, могъ построить на Акъ-ташѣ и у мазара Базаи-гумбеа укрѣпленія съ цѣлью преградить дорогу русскимъ. Сафдеръ-Али-ханъ отвѣчалъ категорическимъ отка-

зомъ. Считая всѣ необходимыя формы соблюденными, полковникъ Дюрандъ послалъ Сафдеръ-Али-хану новое письмо, уже послѣднее, въ которомъ, указывая хану на его яко-бы исконную зависимость отъ Кашмира, находящагося уже во власти англичанъ, съ обычною всѣмъ англичанамъ безцеремонностью, обыкновенно сопровождавшею всѣ сношенія ихъ съ слабѣйшимъ себя народомъ, призывалъ на Сафдеръ-Али-хана отвѣтственность за всѣ послѣдующія событія и снова требовалъ пропуска. Отвѣтъ Сафдеръ-Али-хана Дюранду былъ преисполненъ благородства и вѣрности своему долгу; свое краткое отвѣтное посланіе Сафдеръ-Али-ханъ заключалъ категорическимъ „прійди-мы готовы, ждать нечего“ и затѣмъ все дальнѣйшее поручилъ судьбѣ. Необходимо добавить, что требованіе англичанъ было верхомъ беззаконности и насилія; ссылка Дюранда на подчиненіе Канджута Кашмиру была самой неосновательной ложью, такъ какъ Канджуть не состоялъ въ зависимости отъ Кашмирскаго раджи, а подчиненіе его Китаю было занесено во многія китайскія лѣтописи и относилось еще ко времени 7 луны 25 года правленія Цзянь-луна, т. е. къ 1760 году.

Столкновеніе становилось неизбежнымъ: противъ англичанъ, располагавшихъ правда не 5000, а всего 1500 человекъ съ 5 пушками, Канджутскій ханъ могъ выставить 2000 канджутцевъ и 1000 ногарцевъ, всего 3000 человекъ недисциплинированной, безпорядочной толпы, не могущей бороться, конечно, съ хорошо вооруженными англичанами.

Съ 23 ноября начались столкновения, продолжавшіяся нѣсколько дней, каждый день по часу: со стороны канджутцевъ было 10 чел. убито и 15 ранено, у англичанъ же убитыхъ и раненныхъ было 50 человекъ. Крѣпость Нильтъ (на картѣ изданія Главнаго Штаба 1895 г. Нильтъ названъ Пасакомъ) была англичанами взята, а канджутцы побѣжали въ горы. Вскорѣ, возбужденные призывомъ къ своему долгу, они вернулись и засѣли въ маленькой крѣпостцѣ, выставивъ у воротъ ея пушку. Англичане продолжали подвигаться далѣе и подошли къ этому послѣднему убѣжищу канджутцевъ; при приближеніи они были встрѣчены выстрѣломъ изъ пушки, ядро которой, пробивъ ворота, убило англійскаго капитана, а засѣвшіе въ крѣпости, бросились на англійскій отрядъ; произошла свалка, въ которой у англичанъ пало до 100 солдатъ. Но канджутцы не могли долго держаться и были разбиты. Сафдеръ-Али-ханъ бѣжалъ въ Сарыколь съ сыномъ Нагарскаго хана, вмѣстѣ со своими приближенными и 500 человекъ канджутцевъ*).

Можетъ возникнуть мысль, почему Сафдеръ-Али-ханъ бѣжалъ, а не остался раздѣлять со своимъ народомъ постигшаго ихъ бѣдствія; положительный отвѣтъ на это дать трудно, но нѣкоторое объясненіе можно получить изъ слѣдующаго: съ англійскимъ отрядомъ Дюранда пришли родной

*) Нагарское ханство расположено къ юго-востоку отъ Канджута, непосредственно примыкая къ нему и ограничено на С. В. горою Музь-тагъ, на Ю. З. рр. Гильгитъ и Индомъ.

дядя Сафдеръ-Али-хана, Рѣханъ-Али-Ша, жившій въ Кашмирѣ, два сына владѣтеля Ногара, Зафаръ-хана, и кромѣ того жившіе въ Кашмирѣ Биграмъ-Али и Хабби-ханъ; быть можетъ эти лица, по указанію англичанъ, возбудили въ странѣ смуту и вызвали мятежъ населенія. Сафдеръ-Али-ханъ, убившій своего отца, Газанъ-хана, и этимъ достигшій власти, имѣющій много недовольныхъ среди своихъ поданныхъ, а также враговъ извнѣ, находился въ исключительныхъ обстоятельствахъ; онъ тотчасъ же донесъ китайскимъ властямъ о происшедшихъ въ Канджутѣ событіяхъ и о своемъ отступленіи въ Сарыколь. Получивъ донесеніе Сафдеръ-Али-хана, Кашгарскій даотай, въ рѣзкомъ письмѣ на имя хана, сваливалъ всю отвѣтственность за происшедшее на него, заявивъ, что англичане шли не на Канджутъ, а на Ногаръ, зависимый отъ Кашмира и слѣдовательно Сафдеръ-Али-хану слѣдовало уступить требованіямъ англичанъ. Подобное обвиненіе было самой гнусной клеветой, прямой уликой противъ которой служило подлинное письмо Дюранда къ хану, въ которомъ прямо говорилось, что отрядъ идетъ на Канджутъ и далѣе на Памиръ, но не на Ногаръ.

Сафдеръ-Али-ханъ недолго оставался въ Сарыколѣ: въ февралѣ 1892 г. въ Сарыколь изъ Кашгара былъ командированъ Чжанъ-даринъ съ секретнымъ приказаніемъ привести бывшаго Канджутскаго хана въ Кашгаръ. Чжанъ-даринъ, прибывъ въ Ташъ-курганъ, убѣдилъ Сафдеръ-Али-хана, подъ предлогомъ доставленія ему большаго удобства,

переселиться въ крѣпость и этимъ отдѣлили его отъ нукеровъ; когда же Сафдеръ-Али-ханъ поддался этой ловушкѣ и пріѣхалъ въ Ташъ-курганъ, то былъ схваченъ, привязанъ къ лошади и отвезенъ лично Чжанъ-даринѣ въ Кашгаръ, гдѣ его судили*). Не будучи въ состояніи упрекнуть его въ измѣнѣ, но изъ угоды англичанамъ, требовавшимъ самаго строгаго суда и даже казни Сафдеръ-Али-хана, его судили за убійство отца и какъ навлекшаго своей нераспорядительностью бѣдствіе на Канджуть; судъ былъ кратокъ и пристрастенъ — Сафдеръ-Али-хана присудили къ пожизненному заточенію въ тюрьмѣ и отправили въ г. Урумци, гдѣ онъ находился до конца 1901 года, Въ угодую же англичанамъ китайцы казнили визиря Сафдеръ-Али-хана и голову его послали въ Канджуть.

Не смотря на то, что происшедшее въ Канджутѣ явилось какъ результатъ частнаго соглашенія англичанъ съ Кашгарскими властями, Кашгарскій даотай, дабы сложить съ себя отвѣтственность предъ центральнымъ управленіемъ, протестовалъ противъ дѣйствія правительства Британской Индіи и въ письмѣ къ вице-королю обращался съ просьбою отозвать изъ Канджута англійскія войска и разъяснить причины незаконнаго вторженія. Отъ вице-короля былъ полученъ отвѣтъ, что все происшедшее въ Канджутѣ было предпринято въ интересахъ самого Китая, съ цѣлью подкрѣпить его въ борьбѣ съ Россіей, самый же Канджуть очи-

*) Собственно не судили, но строго и пристрастно допрашивали.

щать отъ войскъ англичане не только не думали, но даже заявили, что они его занимаютъ временно, хотя это не помѣшало имъ поставить въ Хайберѣ 20 человекъ, 40 человекъ въ Гильмитѣ, 200 человекъ въ Балтитѣ и 30 человекъ въ Ногарѣ; подобное занятіе не похоже было на временное, напротивъ, какъ показали дальнѣйшія событія, болѣе отвѣчало безвозвратному и незаконному захвату. Вѣроятно увѣренія англичанъ въ томъ, что Канджуть необходимо уступить Англіи въ видахъ пользы самого Китая, были убѣдительны и только искусствомъ ихъ дипломатіи можно объяснить то, что соглашеніе въ этомъ вопросѣ между Китаемъ и Англіей не только не сопровождалось какими-либо препирательствами, но даже теплая дружба между двумя названными государствами еще болѣе была закрѣплена. Въ желаніи противодѣйствовать соединенными силами противъ угрожающаго нашествія русскихъ, правительства Англіи и Китая рѣшили въ апрѣлѣ 1892 г. прійти къ окончательному соглашенію и обсужденію дѣлъ въ этомъ районѣ. а также для выбора въ Канджутѣ новаго хана. Отъ китайскаго правительства съ этою цѣлью былъ командированъ въ Канджуть офицеръ при командующемъ китайскими войсками въ Кашгаріи, Тянь-далое, который по прибытіи на мѣсто назначенія былъ приглашенъ въ Гильгитѣ. По пріѣздѣ туда, Тянь-далое былъ допущенъ къ полковнику Робинтъ Санганъ, который спросилъ его о цѣли пріѣзда, и на отвѣтъ Тянь-далое, что онъ пріѣхалъ по приказанію Богдыхана для уча-

стія въ комисіи по рѣшенію канджутскихъ дѣлъ, Робинтъ хладнокровно возразилъ, что Канджутъ издавно принадлежитъ Кашмирскому радѣ и что китайцамъ до этой стороны нѣтъ никакого дѣла, но впрочемъ онъ готовъ написать объ этомъ въ Кулькутту и въ Лондонъ, но отвѣта ранѣе, чѣмъ черезъ 42 дня, ожидать нельзя. По прошествіи назначеннаго срока, Тянь-далое явился за отвѣтомъ; тогда ему прямо объявили, что на мѣсто Тянь-далое ѣдутъ въ Гильгитъ Чжанъ-даринъ съ Макартнеемъ и что Тянь-далое въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не стѣсненъ и въ случаѣ желанія можетъ возвратиться назадъ. Для поясненія этого необходимо сказать, что Тянь-далое былъ искренній противникъ занятія Канджута англичанами; передъ отъѣздомъ своимъ въ Канджутъ, Тянь-далое былъ у нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, который ему подробно объяснилъ истинное положеніе дѣлъ въ Канджутѣ, зависимость Канджута отъ Китая и желаніе сохранить подобное отношеніе въ будущемъ. Тянь-далое явился вслѣдствіе этого прямымъ тормазомъ для англичанъ въ ихъ стремленіяхъ и поэтому для послѣднихъ было болѣе основаній замѣстить его Чжанъ-дариномъ, давнишнимъ слугою англичанъ, состоявшимъ у нихъ на жалованьи, безропотнымъ солдатомъ, который не разъ передавался—сначала Якубъ-беку, потомъ китайцамъ и продавалъ себя англичанамъ. Вскорѣ въ Гильгитъ дѣйствительно пріѣхали Чжанъ-даринъ и Макартней; къ этому же времени туда прибылъ капитанъ Юнгъ-хесбендъ, который

объявилъ, что для веденія переговоровъ о Канджутѣ черезъ 25 дней пріѣдетъ назначенный для сего специально чиновникъ. Но пріѣзда этого чиновника (конечно вымышленнаго) не ждали, а по прошествіи 5 дней Чжанъ-дарина и Тянь-далое пригласили въ Балтитъ—главный городъ Канджута, чтобы тамъ ожидать комиссара. По прибытіи Чжанъ-дарина и Тянь-далое въ Балтитъ, туда на другой день прибылъ капитанъ Юнгъ-хесбендъ и Робинтъ и, не вступая ни въ какіе переговоры съ китайскими чиновниками, призвали брата бывшаго Канджутскаго хана Сафдеръ Али-хана, Назимъ-хана, и провозгласили его ханомъ Канджута. Дюрандъ, присутствовавшій при этомъ, въ присутствіи китайцевъ, надѣлъ на Мухаммедъ Назимъ-хана золотой халатъ, поясъ, саблю и подарилъ ему митральезу, заключивъ всѣ эти дѣйствія увѣреніемъ въ необходимости Канджута для англичанъ въ цѣляхъ пріобрѣтенія пути на Памиръ. Чжанъ-даринъ и Тянь-далое безмолствовали, первый потому, что былъ заранѣе подкупленъ, второй—въ виду невозможности какого-либо протеста; впрочемъ они пытались настаивать на томъ, чтобы канджутцы по прежнему платили дань китайцамъ, но въ отвѣтъ на это Юнгъ-хесбендъ показалъ имъ официальную бумагу китайскаго посланника въ Лондонѣ Ту, въ которой было сказано, чтобы они ни въ какія препирательства по этому дѣлу съ англійскими чиновниками не входили, такъ какъ вопросъ о Канджутѣ обсужденъ уже высшими правительствами. Это уничтожило даже тотъ слабый протестъ, который пытались предъя-

вить китайскіе чиновники, сознававшіе, что Китай болѣе чѣмъ безсильнъ и силы англичанъ въ этомъ районѣ вполне достаточны, чтобы исключить какое либо возраженіе. Въ это время англичане располагали: въ Гильгитѣ 600 человекъ английскихъ войскъ, 300 чел. индусовъ, 200 гуркасовъ, 100 авганцевъ и 12 пушекъ; въ Канджутѣ находился англійскій капитанъ съ 50 человекъ и кромѣ того англійскіе военные посты находились: въ Ніомакѣ 20 чел., въ Чальтѣ 10, въ Нилтѣ 20, въ Хайберѣ 10 и въ Баитѣ 12. Кромѣ того, припомнивъ отказъ Аманъ-Ульмулька содѣйствовать англичанамъ въ ихъ захватѣ Канджута и узнавъ о намѣреніяхъ его помогать Сафдеръ-Али-хану, англичане потребовали помѣщенія въ Читралѣ 1 баталіона индійскихъ войскъ и пребыванія тамъ ихъ резидента, угрожая, въ случаѣ отказа, отказать мульку въ защитѣ его владѣній отъ притязаній Авганскаго эмира.

Все вышеописанное мною было какой-то, если можно такъ выразиться, комедіей, разыгранной англичанами преднамѣренно, съ цѣлью отвергнуть какое-либо предположеніе со стороны нашего правительства, что ими руководилъ исключительно захватъ, но конечно со стороны англичанъ было бы слишкомъ наивно предполагать, что наше правительство этому вѣрить.

Съ этого времени Канджутъ пересталъ существовать какъ вассальное владѣніе китайцевъ и былъ переданъ въ полное владѣніе Англіи. Необходимо все-таки отдать должное искусству англи-

чанъ; зная нравы и обычаи китайцевъ и слѣдовательно зная, что наиболѣе ужасное оскорбленіе для китайца это если его „лишаютъ лица“ передъ подчиненными или даже передъ посторонними, англичане, желая добиться возможной уступчивости отъ Китая, приняли во вниманіе между другими соображеніями и это обстоятельство и не хотѣли въ канджутскомъ дѣлѣ „лишить лица“ китайцевъ; на этомъ основаніи назначеніе хана въ Канджутѣ происходило внѣшнимъ образомъ будто бы отъ китайскихъ властей, но въ странѣ распоряжались англичане; кромѣ того до настоящаго времени Канджутскій ханъ ежегодно присылаетъ въ Кашгаръ посольство для принесенія обязательной дани золотомъ; ежегодно къ китайскому празднику новаго года, въ февралѣ, являются отъ Канджутскаго хана посланные къ Кашгарскому даотаю и привозятъ дань—15 мискаловъ золота и письмо отъ хана; получивъ отвѣтный подарокъ, состоящій обыкновенно изъ ямбы серебра и двухъ кусковъ какой нибудь матеріи, посланные возвращаются въ Канджутъ. Происходили также нѣкоторые водевильные эпизоды: когда англичанамъ нужно было съ жителей Канджута собрать хлѣбъ, то сдѣлано было ими объ этомъ распоряженіе и сообщено китайскимъ властямъ, которыя благосклонно отвѣтили, что въ случаѣ надобности жители Канджута могутъ снабжать англичанъ хлѣбомъ, но конечно не даромъ, а лишь продавать накопившійся излишекъ

Новый Канджутскій ханъ, Мухаммедъ-Назимъ-

ханъ, какъ ставленникъ англичанъ, началъ дѣйствовать вполнѣ въ духѣ восточныхъ деспотовъ: опирался на поддержку англичанъ и попробовавъ всѣхъ удобствъ цивилизаціи, Мухаммедъ-Назимъ-ханъ началъ смотрѣть на свой народъ съ точки зрѣнія лишь источника наибольшей добычи денегъ, что отражалось на налогахъ; но росли потребности и аппетитъ Мухаммедъ-Назимъ-хана — росли и налоги. Отличаясь кромѣ того жестокостью, Назимъ-ханъ вскорѣ потерялъ всякую любовь населенія, которое до настоящаго времени вспоминаетъ Сафдеръ-Али-хана. Мнѣ къ сожалѣнію совершенно неизвѣстны причины, почему наше правительство отказалось вмѣшиваться въ дѣла Сафдеръ-Али-хана, поэтому я не буду вдаваться въ обсужденіе этого вопроса. Изъ частныхъ разговоровъ съ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кашгарѣ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Петровскимъ я слышалъ, что Государю Императору Александру III было всеподданнѣйше доложено письмо Сафдеръ-Али-хана, на которомъ Его Величество изволилъ начертать: „нельзя ли ему чѣмъ нибудь помочь“.

Приобрѣтая Канджуть, англичане приобрѣтали много выгодъ: прежде всего этимъ приобрѣтался тотъ самый сухопутный пунктъ соприкосновенія Англіи съ Китаемъ, о которомъ англичане такъ старались еще при Якубъ-бекѣ. Англичанамъ необходимо было найти новый рынокъ для сбыта индійскихъ товаровъ и кратчайшую дорогу къ этому рынку; такимъ рынкомъ являлась средняя

Азія, а кратчайшей дорогой къ ней изъ Индіи — дорога черезъ Канджуть и Сарыколь, та самая дорога, по которой, какъ говорилъ нашему консулу, англійскій капитанъ Пикотъ, направляются перелетныя птицы. Я выше упоминалъ, что была еще дорога изъ Индіи въ Китайскій Туркестанъ — дорога черезъ Ладакъ; она была чрезвычайно кружна, поэтому ее рѣшили замѣнить новой, хотя, какъ увидимъ впослѣдствіи, дорога черезъ Ладакъ была намѣчена англичанами для другой цѣли; кромѣ того, боясь постоянно за свои владѣнія въ Индіи отъ нашествія русскихъ, англичане старались возможно обезпечить себя съ этой стороны, а такъ какъ естественнымъ рубежомъ ихъ вліянія былъ пока Гиндукушъ, то англичане старались перебросить свое вліяніе за Гиндукушскій хребетъ, создавъ себѣ нѣчто въ родѣ передовыхъ позицій, на которыхъ должна была образоваться предварительная оборона индійскихъ владѣній Англіи. Англія сознавала неустойчивость населенія Индіи и поэтому старалась отдалить всякую возможность какого-либо непосредственнаго соприкосновенія Россіи съ индусами, а потому въ программу ея дальнѣйшей политики вошло все большее и большее распространеніе своего вліянія сначала на Сарыколь, а затѣмъ на районъ р. Раскемъ-дарьи. Занимая Канджуть, англичане приобрѣтали кромѣ того прямое сообщеніе съ Шугнаномъ, Ваханомъ и Рушаномъ и слѣдовательно съ трехъ сторонъ охватили бы Памиръ своимъ вліяніемъ. Но предоставимъ самимъ событіямъ доказывать, на сколько справедливо наше предположеніе.

2-я экспеди-
ція отряда
Юнова.

Въ сентябрѣ 1891 г. отрядъ полковника Юнова возвратился въ Фергану, оставивъ на р. Мургабѣ, у уроч. Шаджана лишь незначительный отрядъ; на обязанности этого отряда лежало освѣщеніе мѣстности и предупрежденіе какихъ-либо попытокъ къ незаконному захвату принадлежащей намъ территоріи. Отзывая съ Памировъ полковника Юнова, наше правительство пыталось настоять на проведеніи въ этомъ мѣстѣ опредѣленной границы южнѣ перевала Узъ-бель; шифрованной телеграммой, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ на имя нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ отъ 24 декабря 1891 г. за № 992, просило по сему вопросу соображеній консула. Въ секретномъ донесеніи Директору Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 24 декабря того же года за № 149 дѣйствительный статскій совѣтникъ Петровскій доносилъ, между прочимъ, слѣдующее: „если же въ виды правительства, кромѣ разграниченія Памира на югъ отъ перевала Узъ-бель, будетъ входить желаніе укрѣпить за собою мѣстности Памира организаціею правильнаго надъ ними управленія и тѣмъ воспротиводѣйствовать проискамъ англо-индійскаго правительства, то я не обинуясь скажу, что единственнымъ къ этому средствомъ будетъ занятіе Сарыкола“. Тамъ же говорилось о желаніи обезпечить себя и на западной сторонѣ Памира возстановленіемъ въ прежнемъ положеніи, внѣ зависимости отъ Бадахшана, владѣній Шугнанскаго и Рушанскаго, съ подчиненіемъ ихъ русской власти.

Помимо Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, участіе въ этомъ вопросѣ принимало Министерствомъ Военное и Главный Штабъ представилъ докладъ по этому дѣлу, въ которомъ предлагались мѣры къ разрѣшенію этого вопроса.

Прямые указанія нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ вполне были цѣлесообразны и своевременное ихъ примѣненіе быть можетъ устранило бы нынѣ существующее ненормальное положеніе на Памирахъ, но наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ продолжало медлить, а между тѣмъ событія не заставили себя ждать. Китайцы и афганцы не теряли надежды на возобновленіе своихъ, болѣе чѣмъ сомнительныхъ, правъ на Памиры и дѣйствовали энергично: китайцы съ врожденною имъ трусостью и уклоненіемъ отъ всякихъ столкновеній, а афганцы со свойственной этому народу твердостью. Чжанъ-даринъ, уѣзжая на Сарыколь для захвата отступившаго туда Сафдеръ-Али-хана, захватилъ съ собою лянзу; исполнивъ возложенное на него порученіе, Чжанъ-даринъ снова возвратился на Сарыколь и, пользуясь тѣмъ, что отрядъ полковника Юнова ушелъ, раздѣлилъ свою лянзу на три части: одну отправилъ на оз. Яшилъ-куль, гдѣ у уроч. Самѣ-ташъ люди укрѣпились и остались тамъ на зиму; другую часть лянзы отправилъ на Акъ-ташъ, гдѣ также было построено укрѣпленіе и люди тамъ зазимовали, а самъ Чжанъ-даринъ съ третьею частью перешелъ на оз. Рангъ-куль. Кромѣ того, китайцами были выставлены посты у Гиджака и оз. Булунъ-куля и

такимъ образомъ въ памяти у населенія былъ стертъ всякій слѣдъ о прохожденіи отряда Ионова. Въ такомъ положеніи прошла зима 1891—92 г., а въ апрѣлѣ 1892 г. китайцы даже командировали особаго чиновника Хей-яна, приказавъ ему осмотрѣть пограничныя, принадлежащія Китаю, мѣстности, начиная отъ пер. Узъ-бель къ югу по направленію къ Дилюйхо. До весны китайцы считали, что у нихъ никто не будетъ оспаривать владѣній на Памирѣ, но въ концѣ апрѣля на оз. Яшилъ-куль появились афганцы; найдя вблизи уроч. Сумэ-ташъ китайскій постъ, афганцы его прогнали и, разрушивъ выстроенное зимою укрѣпленіе, расположились лагеремъ у Сумэ-таша, посылая развѣзды на Аксу и Мургабъ. Тщетно, Чжанъ-даринъ, пріѣхавшій на Сумэ-ташъ, просилъ афганцевъ удалиться, убѣдительно доказывая о принадлежности этой мѣстности китайцамъ; авганцы упорствовали, продолжали оставаться на занятой ими территоріи и забирать у жителей жизненные припасы. Въ маѣ 1892 г. всѣ китайскіе посты, находившіеся на Памирахъ, под давлением авганцевъ должны были уйти и собрались на оз. Булункулъ. Всѣ подобныя дѣйствія нашихъ сосѣдей дошли до свѣдѣнія Туркестанскаго генералъ-губернатора, которымъ „для охраны лѣтнихъ нашихъ киргизъ“ на Памирѣ было снова приказано выслать туда отрядъ. Для того, чтобы надолго отбить охоту у нашихъ сосѣдей производить захваты принадлежащихъ намъ на Памирѣ владѣній, отрядъ былъ составленъ бо-

лѣе внушительной силы, а именно: батальонъ пѣхоты, три сотни казаковъ и 4 орудія. Начальникомъ его назначенъ былъ снова полковникъ Ионовъ. Въ официальной инструкціи, данной по сему Военнымъ Министромъ Туркестанскому генералъ-губернатору, было сказано, что цѣль посланки отряда: „охраненіе нашихъ киргизскихъ кочевниковъ и вообще нашихъ интересовъ въ Памирскомъ краѣ и обезпеченіе спокойствія и безопасности на юго-восточныхъ предѣлахъ Ферганской области“. Хотя въ той же инструкціи было указано, что отрядъ полковника Ионова, переваливъ Алай, долженъ былъ прійти къ р. Мургабу и, не двигаясь далѣе, наблюдать развѣдками мѣстность южнѣе Мургаба, но изъ послѣднихъ, приведенныхъ мною словъ инструкціи, можно видѣть, что полковникъ Ионовъ былъ снабженъ большими полномочіями, для того, чтобы дѣйствовать самостоятельно. Талантливымъ штабъ-офицеромъ была вполне усвоена цѣль командировки и поэтому, явившійся на встрѣчу приближающемуся къ Рангъ-кулю отряду полковника Ионова, Чжанъ-даринъ, предлагавшій любезно полковнику Ионову свое содѣйствіе по снабженію русскихъ продовольствіемъ, получилъ суровое приказаніе удалиться съ территоріи, принадлежащей Русскому правительству; сопротивленія Чжанъ-дариномъ оказано не было. Тогда полковникъ Ионовъ обратился къ авганцамъ, расположившимся самовольно у оз. Яшилъ-куль. Подробное описаніе происшедшаго вслѣдъ за симъ имѣется въ частномъ письмѣ полковника Громбчевскаго,

находившагося при отрядѣ Іонова, къ нашему генеральному консулу въ Кашгарѣ. Вотъ что произошло съ авганскимъ постомъ. Зная храбрость и упорство авганцевъ, полковникъ Іоновъ ясно увидѣлъ, что авганцы добровольно не уйдутъ; но честь русской власти должна быть восстановлена, не смотря ни на какія препятствія. Въ виду этихъ соображеній, полковникъ Іоновъ взялъ съ собою 3 взвода казаковъ, быстро двинулся къ уроч. Сумэ-ташъ и въ ночь съ 11 на 12 іюля 1892 г. окружилъ авганскій постъ со всѣхъ сторонъ, желая этимъ заставить авганцевъ положить оружіе безъ боя. Лагерь авганскаго поста былъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. Аличуръ-Памира, а постомъ начальствовалъ храбрый авганскій капитанъ Гулямъ-Хайдеръ-ханъ. Когда авганцы увидѣли, что окружены, они начали медленно приготовляться къ бою; имъ было предложено положить оружіе, на что съ ихъ стороны послѣдовалъ гордый отказъ и предложеніе взять оружіе съ боя вмѣстѣ съ ихъ жизнью. Тогда полковникъ Іоновъ отдалъ казакамъ приказаніе отобрать у авганцевъ оружіе силою. Началась свалка: авганцы защищались мужественно, а самъ Гулямъ-Хайдеръ-ханъ съ шашкой бросился на начальника отряда, но былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера однимъ казачьимъ офицеромъ*). Не смотря на то, что авганцы дрались, какъ львы, они были перебиты: изъ 17 человѣкъ, составлявшихъ постъ, остались живыми 5 человѣкъ, убитыми

*) Сотникомъ Каргинымъ.

оказалось 10 человѣкъ и два тяжело ранеными. (Въ этой свалкѣ между прочимъ было обнаружено употребленіе авганцами разрывныхъ пуль). Въ бумагахъ убитаго авганскаго капитана было найдено письмо къ нему отъ Бадахшанскаго генераль-губернатора, въ которомъ говорилось, что, по сношенію правительства авганскаго хана съ правительствомъ Китая, всѣ Памиры уступлены авганцамъ. Трудно допустить, чтобы подобный дѣлежъ шкуры не убитаго медвѣдя былъ въ дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе возможно предположить, что китайцы, подъ внушеніемъ англичанъ, дали авганцамъ разрѣшеніе занять Памиръ. Урокъ былъ данъ и урокъ правда суровый, но необходимый и цѣлебный, какъ трудная операція. Изъ него авганцы, ощутивъ силу русскаго оружія, ясно увидѣли, что наше правительство дѣйствуетъ рѣшительно тамъ, гдѣ нагло затронуты его интересы.

Можетъ невольно возникнуть вопросъ—дѣйствительно ли мы имѣли неоспоримое право на Памиры и не дѣйствовали ли здѣсь безъ всякаго основанія, руководимые лишь желаніемъ расширенія своихъ владѣній путемъ незаконнаго захвата. Въ подтвержденіе своихъ правъ на Памиры китайцы ссылались на имѣющіяся въ ихъ мѣстностяхъ указанія на то, что при Богдыханѣ Цянь-лунѣ (1759 г.) китайскіе отряды ходили на Памиры. Подобное доказательство тѣмъ не менѣе неустойчиво, такъ какъ опровергается „Автобіографіей Бабурхана“ (славнаго владѣтеля Ферганы и основателя династіи Великихъ Моголовъ въ Индіи), гдѣ

сказано, что за 200 лѣтъ до Цянъ-луня Памиръ считался уже въ предѣлахъ Ферганы. Полковнику Громбчевскому, состоявшему при отрядѣ Іонова, было поручено опросить вліятельныхъ жителей Памира и показанія ихъ закрѣпить протоколомъ, за подписью всѣхъ опрошенныхъ лицъ. Всѣ распросы, произведенные полковникомъ Громбчевскимъ съ этою цѣлью, лишь подтвердили историческія изслѣдованія, по которымъ Памиры, всѣ ущелья по обѣимъ сторонамъ Сарыкольскаго хребта и Кашгарскихъ горъ, т. е. до осѣдлыхъ селеній Кашгаріи, входящихъ нынѣ въ составъ Кашгарскаго, Янги-гиссарскаго и Яркендскаго округовъ, все это входило въ составъ ханства Кокандскаго и управлялось особыми чиновниками, явившимися сюда съ ярлыкомъ за печатами хана. Протоколъ, составленный полковникомъ Громбчевскимъ въ 1892 году, скрѣпленный подписями и печатами стариковъ и почетныхъ представителей отъ всѣхъ киргизскихъ родовъ, кочующихъ по рр. Мургабу, Аксу, Акъ-байталу и Аличуру, гласитъ слѣдующіе: "первымъ Кокандскимъ ставленникомъ на Памирахъ былъ Ляшкара-Кумбегія, родомъ таджикъ; онъ прибылъ во время хана, Мадали-хана, и въ Сарыколѣ оставилъ таджика Одинъ-бека. Послѣ Ляшкара, при томъ же ханѣ Мадали, былъ назначенъ Гаибъ-датха, алайскій киргизъ рода Найманы (внукъ Гаибъ-датхи жилъ еще въ 1892 г. на Алаѣ близъ Даратъ-курмана). Гаибъ-датха назначилъ отъ себя бекомъ на Аличуръ-Памиръ, истоки р. Аксу и Ваханъ-дарьи Базай-датху, убитого впоследствии при

стычкѣ съ канджутцами. Послѣ смерти Мадали-хана на престолѣ вступилъ Ширъ-Али-ханъ, пришедшій на Памиры правителемъ Тилля-датху-Аталыка, Алайскаго киргиза изъ рода Бара-теитъ. Управляя Памирами, онъ жилъ въ 30—40 верстахъ отъ селенія Упалъ и отличался страшною жестокостію; онъ былъ убитъ на р. Кіакъ-баши, близъ уроч. Учъ-Агылъ-джаръ. Въмѣсто него тѣмъ же ханомъ былъ назначенъ Каракуль-датха, киргизъ рода Буэтургай-Найманъ изъ сел. Айрбазы Маргеланскаго уѣзда; управляя Памирами, онъ жилъ частью на р. Аюкъ-артъ, частью въ Ташъ-курганѣ на Сарыколѣ. Послѣ смерти Ширъ-Али-хана на Кокандскій престолъ вступилъ сынъ его, Худояръ-ханъ, который правителемъ Памировъ назначилъ кипчака изъ мѣстности Ики-су-арасы Андижанскаго уѣзда, Мулла-Бахадура. Онъ жилъ по р. Бостень-терекъ; послѣ него былъ назначенъ киргизъ рода теитъ, Мулла-Мурадъ-датха, родомъ изъ Хаджи-арыка Ичкеминской волости Маргеланскаго уѣзда; онъ жилъ тоже на р. Бостень-терекъ. Въ это время Худояръ-ханъ бѣжалъ въ Бухару, а Кокандское ханство досталось брату его, Малля-хану, который правителемъ Памировъ назначилъ киргиза рода теитъ, Хадыръ-Али-датху; онъ жилъ по р. Кингъ-колъ, противъ города Янги-гиссара. Съ переходомъ Кокандскаго престола обратно къ Худояръ-хану, онъ назначилъ правителемъ на Памиръ киргиза Тапуалды-пансата, который жилъ на Бостень-терекъ; затѣмъ послѣднимъ ставленникомъ на Памиръ былъ Ніязъ-Али-таджикъ, при

которомъ ханство было завоевано русскими“.

Изъ разсмотрѣнія этого любопытнаго документа, въ связи съ изложеннымъ мною выше, можно видѣть: 1) что Памиры издавна составляли часть Бокандскаго ханства, вплоть до завоеванія его русскими, слѣдовательно неоспоримо должны принадлежать Россіи; 2) что претензіи китайцевъ на эту мѣстность болѣе чѣмъ неосновательны, не говоря уже о претензіяхъ на нее авганцевъ; 3) что требованія и предъявленіе правъ на Памиры русскихъ болѣе чѣмъ скромны, не смотря на вполне законное основаніе къ болѣе широкому требованіямъ; 4) что Сарыколь долженъ быть отнесенъ къ числу мѣстностей, принадлежащихъ Россіи; 5) и что дѣйствія нашего правительства и властей были въ высшей степени законны и справедливы и даже значительно мягче, чѣмъ того требовали обстоятельства. Уничтоженіе авганскаго поста у Сумэ-таша 11 іюля возбудило гнѣвъ Авганскаго эмира и его, передъ этимъ значительно охладѣвшія, симпатіи къ Англіи снова возникли. Для поддержанія добрыхъ сношеній съ эмиромъ, англо-индійское правительство еще въ срединѣ 1891 г. хотѣло командировать посольство въ Авганистанъ, съ Дюрандомъ во главѣ, но эмиръ всячески отклонялъ его пріемъ. Узнавъ объ уничтоженіи русскими поста на оз. Яшилъ-куль, Авганскій эмиръ немедленно далъ знать англичанамъ, что согласенъ принять Дюранда и когда послѣдній прибылъ съ посольствомъ въ Джелалабадъ, ему была устроена эмиромъ блестящая встрѣча и этимъ закрѣплены

дружественныя отношенія между Авганистаномъ и Британскимъ правительствомъ.

Отрядъ полковника Іонова, исполнивъ возложенное на него порученіе, разрушивъ возведенное китайцами укрѣпленіе на Акъ-ташѣ, возвратился снова назадъ въ Фергану, оставивъ на уроч. Ша-джанъ шаджанскій отрядъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Кузнецова. Съ удаленіемъ полковника Іонова окончился второй фазисъ развитія памирскаго вопроса, фазисъ энергичныхъ дѣйствій нашей администраціи Туркестанскаго военного округа, не поддержанныхъ, къ сожалѣнію, Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Послѣдующія
событія.

Всѣ наши движенія на Памирахъ не проходили незамѣченными; хотя мѣстность была полковникомъ Іоновымъ очищена отъ англійскихъ офицеровъ, но совершенно очистить ее отъ шпионовъ было невозможно. Юнгхесбендъ, возвращаясь послѣ своего арестованія въ Гильгитъ, оставилъ въ Сарыколѣ шпиона, на обязанности котораго возложилъ также передавать англійскую корреспонденцію между Гильгитомъ и Кашгаромъ. Не смотря на то, что генеральному консулу въ Кашгарѣ удалось объ этомъ узнать и сообщить соотвѣствующимъ властямъ для принятія заблаговременно мѣръ, дѣйствія нашей администраціи не вполне были удовлетворительны; правда было рѣшено, при содѣйствіи переводчика Ферганскаго губернатора, Куль-Маметова, эту переписку перехватывать и для этого Куль-Маметъ, подъ видомъ купца, взявъ съ собою на 4000 руб. товару и 6 помощниковъ ту-

земцевъ, долженъ былъ разъѣзжать по дорогѣ Кашгаръ-Сарыколь и перехватывать англійскую корреспонденцію. Но Куль-Маметъ, вмѣсто возложеннаго на него порученія, взялся не за свое дѣло—вступилъ въ сношенія съ Сафдеръ-Али-ханомъ (содержавшимся подъ стражей въ Янги-шаарѣ), собиравъ свѣдѣнія о Бадахшанѣ и наконецъ былъ высланъ изъ Кашгара обратно въ Ошъ нашимъ генеральнымъ консуломъ *), не перехвативъ ни одного письма. Англійскій шпіонъ въ Сарыколь продолжалъ жить въ Ташъ-курганѣ и выполнять свою задачу.

Оставленный полковникомъ Ионовымъ, Шаджанскій отрядъ имѣлъ инструкцію, въ которой говорилось, что цѣль отряда—оберегать спокойствіе и безопасность на Памирахъ и ограждать мѣстное населеніе отъ грабежей и насилій. Отрядъ этотъ, расположеніе котораго видѣлъ, проѣзжавшій въ октябрѣ и ноябрѣ 1892 г. черезъ Памиры, лордъ Дунморъ **), представлялъ собою тотъ же Памирскій отрядъ полковника Иова, меньшаго состава и другаго названія. Правительство же наше обратило все усилія на благопріятное разрѣшеніе возникшихъ недоразумѣній, пытаясь убѣдить китайцевъ въ правильности проведенія границы по Сарыкольскому хребту; китайскіе дипломаты, въ отвѣтъ

*) Письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петровскаго Туркестанскому генераль-губернатору отъ 16 февраля 1892 г. за № 225.

**) Лордъ Дунморъ высказался неодобрительно относительно позиціи занятой отрядомъ, говоря, что онъ окруженъ возвышенностями, съ которыхъ авганцы могутъ легко перестрѣлять отрядъ.

на это, выказали сильный протестъ; въ нотѣ китайскаго посланника въ Петербургѣ при ВЫСОЧАЙШЕМЪ дворѣ говорится, что преположенная нами граница основана исключительно на географическихъ данныхъ, и тамъ же настаивается на отысканіи къ югу отъ перевала Узъ-бель новой научной демаркаціонной линіи, которая проходила бы или по цѣпи горъ или по теченію рѣки; въ этой нотѣ, ссылались также на протоколъ 1884 г., упирая на то, что граница Россіи отъ перевала Узъ-бель должна идти на Ю.-В. Указаніе на протоколъ 1884 г. не только не подтверждаетъ, но даже опровергаетъ требованіе Китая, такъ какъ ст. IX Петербургскаго договора гласитъ, что для разграниченія Ферганы съ Кашгаріей должна быть принята “существующая граница“, а эта граница имѣла общее направленіе на югъ и, за немногими изгибами, она захватитъ Сарыкольскій хребетъ. Наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, а также Туркестанскій генераль-губернаторъ настаивали на необходимости и законности проведенія границы именно по Сарыкольскому хребту *). Въ этомъ препирательствѣ прошелъ конецъ 1892 и почти весь 1893 гг. Вначалѣ спокойные, споры становились все болѣе и болѣе тревожными и правительства Китая и Россіи начали принимать мѣры съ цѣлью обезопасить себя на случай могущаго быть столкновенія. Китайцы начали подвозить въ Сары-

*) Письмо Туркестанскаго генераль-губернатора на имя начальника Главнаго Штаба отъ 30 января 1893 г. за № 35.

коль продовольствіе и фуражъ, а также сосредоточивать туда войска; всѣ эти дѣйствія китайцы хотя и старались произвести для насъ возможно незамѣтнѣ, но средства къ скрытію намѣреній были временами наивны: сборы запасовъ объяснились заготовками для гарнизона; лянзы, высылаемые въ Сарыколь, посылались туда частями, доходили до границы Сарыкола, отзывались обратно, но въ меньшемъ противъ посланнаго впередъ составѣ, или же ночью снова посылались въ Сарыколь. Войска въ Кашгарію стягивались отовсюду, даже изъ внутренняго Китая, такъ напримѣръ 11 марта 1893 г. нашъ посланникъ въ Пекинѣ доносилъ, что 4 марта въ Синь-цзянь отправлено 100 китайскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ артиллеріи и съ ними 200 ящиковъ съ 2000 скорострѣльныхъ ружей и патронами. Въ этотъ же день и туда же изъ Тянь-цзина отправлено было еще 100 офицеровъ и нижнихъ чиновъ артиллеріи, также съ 2000 ружей новыхъ системъ и патронами. При этихъ двухъ отрядахъ отправлялось 30 полевыхъ орудій Круппа. Командующему китайскими войсками въ Кашгаріи, Ти-тею, по слухамъ, везли на 10 верблюдахъ ямбы, а всѣ портные и сапожники Кашгара и Янги-шаара были забраны шить обмундированіе войскамъ. Наконецъ начали даже ходить слухи, что китайскія власти приказали возобновить разрушенное русскими на Акъ-ташѣ укрѣпленіе и, въ случаѣ появленія тамъ русскихъ, противиться силою. Всѣ эти приготовления не могли укрыться отъ нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, дѣйствительнаго

статскаго совѣтника Петровскаго. Наглость пограничныхъ китайскихъ карауловъ становилась все болѣе и болѣе и 14 мая 1893 г. капитанъ Кузнецовъ доносилъ, что около перевала Бердышъ по нашему развѣду былъ сдѣланъ китайцами выстрѣлъ; у Акъ-таша оказалось болѣе сотни китайцевъ, которые захватили, связали и увезли многихъ памирскихъ киргизъ, въ томъ числѣ нашего аульнаго старшину. Тщетно Русское правительство дипломатическими нотами требовало отъ Пекинскаго двора, чтобы переходъ за Сарыколь, до окончательнаго разграниченія, былъ воспрещенъ; китайцы продолжали безчинствовать. Тогда сочли своевременнымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры: въ дополнение къ шаджанскому отряду былъ выдвинутъ на Памиры „смѣнный“ отрядъ капитана Зайцева, а въ Алайскую долину, къ уроч. Сарыташъ, 16 іюня 1893 г. былъ выдвинутъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Іонова, имѣющій назначеніемъ служить резервомъ войскъ, расположенныхъ на Памирѣ. Полковнику Іонову подчинялись всѣ войска, находящіяся на Памирахъ. Начальствующія лица были снабжены инструкціями и, въ зависимости отъ линій расположенія силъ, эти инструкціи раздѣлялись на три категоріи; а именно:

1) въ Алайской долині (въ сѣверной зонѣ края) въ окрестностяхъ оз. Каракуля и мѣстности, прилегающей къ точно опредѣленной границѣ съ Китаемъ до пер. Узъ-бель—какъ составляющихъ наши несомнѣнныя владѣнія—на войска возлагалась охрана спокойствія и безопасности на тѣхъ

же основаніяхъ, какія дѣйствуютъ въ другихъ мѣстахъ Туркестанскаго военнаго округа.

2) въ районѣ, прилежающемъ къ р. Мургабу, оз. Рангъ-кулю и къ р. Кударѣ, начальникъ Шаджанскаго отряда долженъ стараться мирными средствами достигнуть очищенія края отъ китайскихъ постовъ и авганскихъ разъѣздовъ и не допускать покушенія авганцевъ со стороны Кудары и Ташъ-куртана.

3) въ южной зонѣ — на югъ отъ окрестностей Мургаба и до хребта Кушъ-боляндъ, начальникъ Шаджанскаго отряда долженъ ограничиваться простыми наблюденіями, избѣгать движеній къ Гиндукушскимъ проходамъ и лишь слѣдить, чтобы и другіе противники не утвердились въ этой части края, останавливая всякія ихъ къ тому попытки мирными переговорами. *) По приведеніи всего вышеизложеннаго въ исполненіе, наши отряды на Памирѣ были расположены въ іюлѣ 1893 г. слѣдующимъ образомъ: а) Алайскій отрядный резервъ и штабъ начальника войскъ, расположенныхъ за Алайскимъ хребтомъ и на Памирахъ, — на уроч. Сарыташъ въ Алайской долині; б) Шаджанскій отрядъ и смѣнный Памирскій отрядъ — въ укрѣпл. Шаджанъ; в) отъ послѣднихъ отрядовъ посты на Рангъ-кулѣ и на р. Акъ ташъ у устья р. Истыкъ; въ разныхъ мѣстностяхъ Памира — джигитскіе посты.

*) Предписаніе Командующаго войсками Округа на имя Командующаго войсками Ферганской области отъ 5 мая 1893 г. за № 284.

Этимъ не ограничивались мѣры по предотвращенію недоразумѣній въ будущемъ: Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, по инициативѣ нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, усиленно ходатайствовало о принятіи болѣе рѣшительныхъ, но зато опредѣленныхъ, мѣръ; подробно выяснялось, что преслѣдуемая въ этомъ случаѣ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ политика выжиданія и полумѣръ можетъ лишь породить опасность для нашего престижа въ средней Азій*); упоминалось о тѣхъ нежелательныхъ послѣдствіяхъ, которыя могли произойти вслѣдствіе робкой и уступчивой политики при веденіи нами переговоровъ съ Китаемъ, какъ объ опредѣленіи русско-китайской границы къ югу отъ перевала Узъ-бель, такъ и по предоставленіи нашимъ сосѣдямъ мѣстностей западнѣе Сарыкола. Но должно быть слишкомъ грозенъ былъ призракъ возможности столкновенія нашего съ Англіей если наше правительство не приняло ничего рѣшительнаго. Правда волненіе въ Китаѣ скоро улеглось, подоспѣло дунганское возстаніе 1895 г., которое оттянуло къ себѣ сосредоточенныя въ Сарыколѣ войска, но граница наша съ Китаемъ осталась попрежнему условной, неопредѣленной. Англія была слишкомъ заинтересована въ этомъ вопросѣ для того, чтобы не принять всевозможныхъ мѣръ къ созданію возможно большихъ недоразумѣній. Между прочимъ, здѣсь интересно будетъ выяснитъ нѣкоторые факты отношеній

*) Письмо Туркестанскаго генераль-губернатора генеральному консулу въ Кашгарѣ отъ 24 мая 1893 г. за № 260.

къ намъ англійскаго правительства и его агентовъ. Командующему войсками въ Кашгаріи, тѣ-тею, въ періодъ сосредоточенія въ Сарыколѣ войскъ, англійскимъ агентомъ въ Кашгарѣ, Макартнеемъ, былъ сдѣланъ подарокъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ ящиковъ съ хорошими ружьями и патронами къ нимъ; подобный подарокъ въ будущемъ, еслибы того потребовали обстоятельства, вѣроятно былъ бы повторенъ въ значительно большемъ размѣрѣ.

Изъ телеграммы нашего посланника въ Пекинѣ отъ 28 апрѣля 1893 г., препровожденной въ копію къ нашему генеральному консулу въ Кашгарѣ, управляющимъ Канцеляріей Туркестанскаго генералъ-губернатора, при письмѣ отъ 1 іюля 1893 г. за № 295, видно, что при личномъ свиданіи своемъ съ Ли-хун-чангомъ въ Пекинѣ, англійскій посланникъ убѣждалъ Ли-хун-чанга не уступать Россіи ни одной пяди земли и предлагалъ содѣйствіе Англіи по доставкѣ оружія и припасовъ для войны Китая съ Россіей. Ли-хун-чангъ категорически отклонилъ это предложеніе и былъ чрезвычайно сдержанъ съ англійскимъ посланникомъ, сознавая своимъ здравымъ умомъ, столь отличнымъ отъ умовъ прочихъ государственныхъ дѣятелей Китая, что правительству Богдыхана вѣтъ расчета быть несговорчивымъ со своею могучею сосѣдкою — Россіей. Согласіе между Россіей и Китаемъ было восстановлено, хотя и не путемъ точнаго разграниченія, но лишь условнаго, и этимъ памирскій вопросъ вновь отдалилъ свое рѣшеніе

и Хун-чхан

на неопредѣленное время. Были отозваны и наши отряды на Памирахъ: 25 августа 1893 г. выступилъ изъ Ша-джана отрядъ генеральнаго штаба капитана Кузнецова и, слѣдуя на Сарыташъ, прибылъ въ г. Ошъ, гдѣ въ сентябрѣ того же года былъ распущенъ; 15 сентября приказано было возвратиться въ Фергану и войскамъ Алайскаго резерва; на Памирѣ остался лишь смѣнный Памирскій отрядъ капитана Зайцева, наблюдающій за спокойствіемъ въ этомъ краѣ и ежегодно смѣняемый. До настоящаго времени содержится нами на Памирахъ особый отрядъ, присутствіе котораго въ этомъ районѣ можно оправдать только желаніемъ производства тщательныхъ развѣдокъ къ сторонѣ авганской границы; нельзя не признать, что расходы, ассигнуемые на содержаніе отряда, въ связи съ встрѣчаемыми имъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, лишеніями, не окупаются тѣми свѣдѣніями, которыя добываются начальникомъ отряда и не вынуждаются обстановкой. Въ данномъ случаѣ охрана границы и организацію добыванія необходимыхъ свѣдѣній можно было бы возложить на пограничные посты, содержащіеся особой охранной стражей, а для общаго наблюденія за неприкосновенностью нашихъ владѣній въ этомъ районѣ, ежегодно лѣтомъ можно было бы высылать сборныя команды охотниковъ отъ нѣсколькихъ одновременно войсковыхъ частей. Подобныя мѣры, доставляя хорошую практику въ вопросѣ выносливости и развитія смѣтливости нашимъ войскамъ, значитель-

но уменьшили бы расходы по охранѣ границъ на юго-востокѣ Ферганы.

Китайцы на границѣ съ Памирами стали значительно сдержаннѣе, но за то пытались проявить нѣкоторую наглость на границѣ съ Семирѣчьемъ, на примѣръ 70 человекъ китайцевъ изъ Учъ-турфана были посланы въ наши предѣлы, перешли границу на пер. Бедель, доходили до пер. Барстаунъ, вернулись къ пер. Каинды, прошли всю долину Аксая и черезъ пер. Теректы возвратились изъ нашихъ предѣловъ въ Кашгаръ. Лишь благодаря обычнымъ дѣйствіямъ нашего правительства, чуждаго всякихъ вызывающихъ распоряженій, эта попытка осталась безнаказанною, а когда Туркестанскій генераль-губернаторъ, узнавъ объ этомъ, предлагалъ передвинуть Алайскій отрядъ ближе къ Кашгару, на примѣръ хотя бы въ Иркештамъ, русское правительство отклонило это предложеніе, надѣясь все уладить мирнымъ путемъ. Наконецъ заглохли и эти послѣдніе проблески волненій, все успокоилось, и хотя столкновенія дѣйствительно удалось избѣгнуть, но положеніе дѣлъ не стало опредѣленнѣе. Къ этому прибавилось лишь присутствіе на Памирахъ нашего постоянного смѣннаго отряда, имѣющаго цѣлью наблюдать, дабы интересы нашего правительства въ этомъ районѣ не нарушались.

Разграниченіе
1895 года.

Въ постоянныхъ своихъ заботахъ по обезпеченію сѣверо-западныхъ границъ въ Индіи отъ мнимаго вторженія русскихъ, англійское правительство настояло на проведеніи границы на Па-

мирахъ и граница была проведена, но къ сожалѣнію лишь въ южномъ концѣ, въ 1895 г., когда окончательно произошло распредѣленіе сферъ русскаго и англійскаго вліянія; вопросъ главнымъ образомъ касался Авганистана, служившаго издавна пунктомъ для дипломатическихъ несогласій между нашимъ и англійскимъ правительствами. Краткій ходъ предварительныхъ событій былъ слѣдующій: въ іюнѣ 1884 года, благодаря побѣдѣ надъ туркменами, взаимныя отношенія Россіи и Англіи рѣзко измѣнились; ранѣе отклоненное, предложеніе Россіи по составленію коммисіи для опредѣленія сѣверной границы Авганистана Англіей было принято. Соединенная коммисія должна была собраться въ іюль 1884 г. и на нее возлагалось окончательное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ объ Авганистанѣ. Во главѣ англійской коммисіи стоялъ Серъ-Петеръ Ламсденъ, а со стороны Россіи генераль Зеленый. Впослѣдствіи генераль Зеленый возвратился въ Тифлисъ и бывший въ то время командующій войсками Закаспійской области, генераль Комаровъ, возмущенный дѣйствіями англійскаго комиссара, появившагося на разграниченіе съ отрядомъ въ 500 человекъ, и вызывающими дѣйствіями авганцевъ, съ 1200 человекъ разбилъ 46-ти тысячное авганское скопище 18 марта 1885 г. въ сраженіи подъ Кушкою.*) Возбужденіе въ Англіи по полученіи извѣстія о пораженіи авганцевъ достигло высшей степени, война считалась неизбѣжною и парламентъ единогласно вотировалъ кредитъ въ 11 милліоновъ

*) У Ташъ-Кепри.

фунтовъ стерлинговъ на военныя приготовленія, Россія же готовила Добровольный флотъ. Но все окончилось мирно; въ 1886 г. и въ апрѣлѣ 1887 г. представители Британіи и Россіи собрались въ Петербургѣ и, по соглашенію, Россія получила правый берегъ Герируда до Зуль-фагарскаго перевала и долину Бадхиса, включая и оазисъ Пенде. Выгода послѣднихъ пріобрѣтеній Россіи была весьма существенна: владѣнія ея теперь отстояли всего въ 53 англійскихъ миляхъ отъ Герата и не были отдѣлены отъ него серьезной естественной преградой. Въ дальнѣйшемъ очередь стояла за опредѣленіемъ восточной границы Авганистана и съ этою цѣлью, по настоянію Англіи, произошло разграниченіе въ 1895 г. Разграничительная коммиссія состояла: со стороны Англіи изъ полковника Жерарда, натуралиста Гольдвича, капитана Макъ-Свини и доктора Алькока; кромѣ этихъ лицъ въ составъ коммиссіи входили еще туземные съемщики, а охрана коммиссіи была обезпечена 10 туземными офицерами и сипаями, 20 ненджабскими кавалеристами и 19 чел. прислуги. Со стороны Россіи были назначены: бывшій военный губернаторъ Ферганской области генералъ маіоръ Повало-Швейковский, полковникъ Галкинъ, чиновникъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Панафидинъ, и др. Въ русской коммиссіи еще находились: докторъ Вельманъ и французскій туристъ Стиффель. Со стороны Авганистана впослѣдствіи прибылъ представителемъ Сардаръ-Гулямъ Мухаэддинъ-ханъ. Занятія

коммиссіи продолжались около двухъ мѣсяцевъ. Собравшись въ концѣ іюля 1895 г. на берегу озера Зоръ-куль или Викторія, делегаты провели границу слѣдующимъ образомъ: отъ восточной оконечности оз. Викторія на югъ черезъ пикъ Конкордъ на 19 верстѣ, отсюда граница поворачивала на В. С. В. черезъ пикъ Салисбюри, перевалъ Бендерскій, пикъ Елтинъ, на перевалы Яманъ-шуръ и Урта-бель и поворачивала на Ю. В., гдѣ оканчивалась у пика Повало-Швейковского. Отсюда начинались китайскія владѣнія. Сферы, разграничивающія вліянія Россіи и Англіи, по договору обозначались слѣдующимъ образомъ: Ваханъ и часть Дарваза, лежащаго на лѣвомъ берегу р. Аму-дарьи, передаются Авганскому эмиру, а Шугнанъ и Руханъ Бухарѣ. Граница на востокѣ Памировъ между Россіей и Китаемъ точно установлена не была, а вмѣсто нее была принята общая линія, проходящая отъ перевала Узъ-бель, на сѣверѣ, до перевала Беикъ на югѣ. Приблизительно эту границу можно было бы преднамѣтить, если провести линію отъ пер. Узъ-бель на пер. Ой-балгынъ, Акъ-берды, Тохъ терекъ, Сарытанъ-Гульма, Бердышъ, Найза-ташъ, Сары-бурумъ, Беикъ, отъ него на пер. Кара-чункаръ къ оз. Турдынынъ-куль. На этомъ пространствѣ нѣтъ никакихъ пограничныхъ знаковъ и цѣлость предполагаемой границы наблюдается со стороны Китая пограничными караулами, а со стороны Россіи выдвинутыми впередъ отъ Памирскаго отряда постами.

Англійскія
притязанія на

Разграниченіе 1895 г. нельзя признать для

Сарыколь и насъ выгоднымъ. Чтобы понять это достаточно мѣстности, лежащія по Рас-взглянуть на карту и увидѣть, что въ южномъ концѣ Памировъ, отторженіемъ къ Авганистану

Вахана, англичане создали для насъ буфферъ, устраняющій непосредственное соприкосновеніе нашихъ и англійскихъ интересовъ. Дальнѣйшія происки и интриги англичанъ этимъ не окончились, Сарыколь являлся для нихъ необходимымъ для открытія кратчайшей и удобнѣйшей дороги торговой изъ Индіи въ Синь-цзянскую провинцію Китая, а поэтому англичане стремились распространить свое вліяніе за Гиндукушъ. Въ Ташъ-куртанъ былъ назначенъ англійскій агентъ—мунши, на обязанности котораго возлагалось официально наблюденіе за почтою, отправляемой изъ Гильгита въ Кашгаръ, а неофициально—шпіонство за русскими. Въ Кашгарѣ также находился англійскій агентъ Маккартней, прибывшій въ 1890 году съ миссіей Юнгхесбенда въ качествѣ переводчика. Дальнѣйшія дѣйствія англичанъ въ послѣдующія годы можно объяснить желаніемъ, занявъ Сарыколь, замкнуть насъ на занимаемыхъ нами Памирахъ и кромѣ того продолжать постепенное наступательное движеніе впередъ за Гиндукушъ, при содѣйствіи своей искусной дипломатіи. На встрѣчу интересамъ Англіи выступили наши интересы: Памиры, занимаемые нами нынѣ, не представляютъ собою ничего привлекательнаго, для того, чтобы считать вопросъ вполне законченнымъ. Занятіе Памировъ имѣло значеніе лишь какъ временной подготовительной мѣры, позволяющей предпринять

что-либо къ выходу въ болѣе интересномъ направленіи. Съ нашей стороны являлся прямой интересъ не допускать все болѣе и болѣе увеличивающагося за Гиндукушемъ вліянія англичанъ, а если возможно, то даже прекратить сразу его развитіе. Удовлетвореніемъ къ этому явилось бы занятіе Сарыкола. Занявъ его, Россія запирала англичанамъ выходъ изъ Гильгитской долины черезъ Канджуть въ Синь-цзянъ и заставляла обратиться къ кружной, неудобной дорогѣ черезъ Ладакъ. Занятіемъ Сарыкола пріобрѣтался узелъ торговыхъ путей изъ Вахана, Бадахшана и Канджута въ Кашгаръ, Яркендъ и Хотанъ, крупные торговые пункты Синь-цзянской провинціи; кромѣ того пріобрѣталась плодородная долина Тагармы и около укрѣпленія Ташъ-куртана. Такимъ образомъ этому, ничѣмъ не замѣчательному клочку земли, суждено было совмѣстить въ себѣ интересы двухъ могущественныхъ государствъ, и поэтому будетъ вполне ясно, почему Англія стремилась всякими побочными и негласными средствами предъявить какія либо права на владѣніе Сарыколомъ; Россія въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовалась лишь соображеніями по обезпеченію себя отъ тѣхъ нежелательныхъ послѣдствій, которыя могли отразиться на ея дальнѣйшемъ развитіи, и неизбѣжно вытекали изъ вѣковой, враждебной намъ, политики Англіи. Занявъ Канджуть и по возможности стараясь закрыть намъ выходъ съ Памировъ, Англія начала обходить свой чрезвычайно искусно и первыми намѣченными ею пунктами явились верховья

р. Раскемъ-дарьи, тѣ самыя мѣстности, которыя на нѣмецкихъ картахъ изд. 1892 г. Готскаго картографическаго бюро названы почему-то „независимыми владѣніями“, и небольшой клочекъ земли подъ именемъ Аксайчина.

Въ концѣ 1897 г. Канджутскій ханъ, Мухаммедъ Назимъ-ханъ, опираясь на то, что ранѣе владѣнія Канджута простирались несравненно далѣе тѣхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ ханство заключено въ настоящее время, и доказывая, что эти владѣнія доходили до самой р. Раскемъ-дарьи, просилъ китайскихъ властей объ уступкѣ, хотя бы временной, его подданнымъ для обработки слѣдующихъ земель по верховьямъ р. Раскемъ-дарьи: Ташъ-момо, Кокъ-таша, Упранга, Урюка, Илы-су, Азгара и Арсара. Мухаммедъ Назимъ-ханъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не по собственной инициативѣ, а по внушенію англичанъ; канджутцы же, издавна отличавшіеся беспокойнымъ своимъ нравомъ и набѣгами, за исключеніемъ неоднократныхъ разбоевъ, производимыхъ ими въ долину р. Раскемъ-дарьи, не имѣли на эту послѣднюю никакихъ иныхъ болѣе вѣскихъ правъ. Разбои эти, получившіе правильную организацію при Канджутскомъ ханѣ Сафдеръ-Али-ханѣ, наводили ужасъ на живущихъ по р. Раскемъ-дарьѣ и даже на самый Тибетъ; благодаря этимъ-же разбоямъ, нѣкогда цвѣтущая и плодородная долина р. Раскемъ-Дарьи, нынѣ обращена въ пустыню. Цѣль, руководившая англичанами, вполне ясна: если китайскія власти признаютъ просьбу Канд-

жутскаго хана законной и ее уважатъ, то всѣ мѣста по верховьямъ Раскема, черезъ Канджутскаго хана, постепенно будутъ присоединены къ сферѣ англійскаго вліянія, а затѣмъ, когда обстоятельства потребовали-бы проведенія границы между китайскими владѣніями и владѣніями Кашмирскаго раджи, то Канджутскій ханъ предъявилъ бы требованіе, и вполне законно, о включеніи въ районъ, подвластныхъ ему, областей Раскемъ-дарьи. Если бы подобное требованіе было признано законнымъ и санкціонировано, то первый шагъ англичанами сдѣланъ—они приобрѣтали мѣстность, огибающую Сарыколь съ востока, и слѣдовательно, создавая новый буфферъ между возможностью соприкосновенія нашихъ и англійскихъ интересовъ, продолжали бы постепенное захожденіе правымъ плечомъ, вродѣ того, какъ это дѣлается на маневрахъ. Кромѣ этой главной, второстепенною причиною желанія англичанъ приобрѣсти земли по р. Раскемъ-дарьи была та, что въ этихъ мѣстахъ были несомнѣнные признаки присутствія золота. Несмотря на нѣкоторую странность просьбы Канджутскаго хана и на его доказательства о бывшей принадлежности названныхъ земель къ Канджуту, доказательства, которыя легко было опровергнуть, китайскія власти согласились на уступку земель и благополучное разрѣшеніе вопроса близилось къ концу. Въ началѣ 1898 г изъ Канджута на Раскемъ прибыли делегаты и кашгарскими китайскими властями, для съемки и точнаго опредѣленія подлежащихъ уступкѣ по Раскему земель,

былъ командированъ топографъ Хей-далое.

По окончаніи осмотра земель и съемки, былъ составленъ проектъ условій, на которыхъ эта уступка должна была состояться, а именно: 1) уступкѣ подлежало: къ юго-западу отъ р. Юй-хо (такъ называютъ р. Раскемъ Дарью китайцы) пять участковъ—по р.р. Ташъ-момо, Кокъ-ташу, Упрангу, Урюку и Илы-су. Къ сѣверо-востоку отъ р. Юй-хо два участка—по р.р. Азгару и Арсару. Размѣры китайскимъ топографомъ этихъ земель были опредѣлены: первыхъ пяти 200 ли (100 верстъ) въ ширину, 100 ли (50 верстъ) въ длину, остальныхъ двухъ: 60 ли (30 верстъ) въ ширину и 30—40 ли (15—20 верстъ) въ длину.

2) Живущія на Урюкѣ 5 семействъ таджиковъ, продолжаютъ пользоваться своею землею; остальную—свободную—по р. Урюку отдать Канджутцамъ.

3) Граница уступаемыхъ участковъ земли должна пройти по водораздѣлу и всѣ эти мѣстности поступаютъ въ исключительное пользованіе Канджутцамъ, причемъ надлежитъ наблюдать, чтобы никто безъ разрѣшенія не переходилъ намѣченной границы и не перегонялъ черезъ нее скотъ.

4) Канджутцы не имѣютъ права строить на, уступленныхъ имъ Китайскимъ правительствомъ, земляхъ, городовъ, карауловъ и крѣпостей; право это принадлежитъ Яркендскому окружному Начальнику. Спустя три года послѣ фактической уступки Канджутцамъ земель, китайскія власти имѣютъ право приступить къ сбору подати, которая на

каждый годъ опредѣлялась въ 12 *) ланъ со всѣхъ жителей и мѣстностей въ общей цифрѣ.

7) Всѣ возникающія споры между, вновь поселившимися на уступленныхъ земляхъ, Канджутцами и коренными жителями, разбираются и рѣшаются: въ мѣстностяхъ къ ю.-з. отъ Раскемъ-дарьи Сарыкольскимъ амбанемъ, а въ мѣстностяхъ, находящихся къ с.-в. отъ Раскема, китайскимъ караульнымъ начальникомъ пограничнаго караула Базаръ-дара. Высшей инстанціей для обоихъ является Яркендскій окружный начальникъ.

8) Ежегодно, для повѣрки численности населенія на уступленныхъ Канджутцамъ мѣстностяхъ, и зажиточности населенія, Яркендскимъ окружнымъ начальникомъ долженъ быть командированъ для объѣзда мусульманскій старшина.

9) Китайскіе подданные таджики, пользовавшіеся, до уступки Канджутцамъ земель по р. Раскему, лѣсомъ на Илы-су, сохраняютъ это право и послѣ уступки земель.

Когда просьба Канджутскаго хана дошла до свѣдѣнія нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, Николай Федоровичъ Петровскій, зная нравы и обычаи китайцевъ и глубоко понимая цѣль, преслѣдуемую англійскимъ правительствомъ, первый предъявилъ энергичный протестъ, разъяснивъ, какъ кашгарской администраціи, такъ равно и нашей, всѣ вредныя послѣдствія, могущія отъ сего произойти, и кромѣ того отъ 9 января 1898 года за № 27) генеральный консулъ, зная невѣжество

*) На наши деньги около 25 рублей.

Кашгарскаго даотая въ дѣлахъ, требующихъ соображенія и знанія, написалъ объ этомъ подробно губернатору Синь-цзяньской провинціи. Но должно быть велико было вліяніе англичанъ, если китайскій губернаторъ, хотя и согласился исполнѣть съ доводами нашего генеральнаго консула и былъ чрезвычайно признателенъ за любезность, но остался при своемъ убѣжденіи, что при бѣдности канджутцевъ, для доставленія имъ жизненнаго пропитанія, онъ разрѣшилъ уступить имъ для запашекъ просимыя земли и приказалъ командировать на Раскемъ чиновника съ цѣлью отмежеванія потребной канджутцамъ земли. Относительно Аксайчина подробности заключаются въ слѣдующемъ: однажды, во время визита къ консулу, Кашгарскій даотай спросилъ его, не знаетъ ли онъ, что такое Аксайчинъ и какое его значеніе; на желаніе консула узнать о причинѣ такого любопытства, даотай, послѣ нѣкотораго замѣшательства, объяснилъ, что его спрашивалъ объ этомъ губернаторъ, но такъ какъ даотай совершенно въ этомъ вопросѣ несвѣдущъ, то просить не отказать консула объяснить ему этотъ вопросъ. Николай Федоровичъ Петровскій согласился и, при первой же возможности, даотай пріѣхалъ къ консулу съ картой пограничной полосы Синь-цзяньской провинціи. Велико было удивленіе консула, когда онъ увидѣлъ, что Аксайчинъ, составляющій территорію Китая, на привезенной даотаемъ картѣ былъ включенъ въ число англійскихъ владѣній и видно было, что эта граница проведена послѣ отпечатанія карты,

отъ руки. Николай Федоровичъ Петровскій тотчасъ же указалъ на это даотая и объяснилъ ему, что Аксайчинъ составляетъ владѣніе Китая, но не Англии. Вотъ къ какимъ средствамъ прибѣгали англійскіе агенты. Аксайчинъ былъ выгоденъ англичанамъ, какъ мѣстность, черезъ которую изъ Ладака выходитъ прямая и кратчайшая дорога къ г. Керіи, въблизи котораго находятся золотые прииски. Предусмотрительность англо-индійскаго правительства въ этомъ вопросѣ была замѣчательна: на Раскемъ-дарью и въ Хотанскій округъ были командированы развѣдчики — англійскіе офицеры — Коббольдъ и Дизи. Послѣдній производилъ чрезвычайно тщательно съемки обслѣдуемаго района и между прочимъ, совокупно съ англійскимъ агентомъ въ Кашгарѣ Макартнеемъ, агитировалъ въ пользу уступки канджутцамъ по Раскему земель. Возможно даже предположеніе, хотя и не доказанное, что англичане даже предназначали сѣверную границу Кашмирскихъ владѣній съ Восточнымъ Туркестаномъ, и, сопоставляя заслуживающія вниманія работы капитана Дизи на Раскемъ-дарьѣ, и нижепоименованныя долины Раскема, которыя китайцы рѣшили отдать канджутцамъ, можно даже начертить эту предполагаемую границу: начинаясь у р. Кара-чукуръ, граница должна была пойти по р. Илы-су или по Мазару и Упрангу къ Раскемъ-дарьѣ и по этой послѣдней, отъ уроч. Киргизъ-джангалъ, къ мѣстности Шаги-дулла, которая признается китайцами за пограничный пунктъ ихъ владѣній съ Кашмирскимъ раджею. Трудно ко-

нечно утверждать, насколько эта мысль правдоподобна, но около 300 человекъ канджутцевъ, подъ присмотромъ англичанъ, начали раздѣлывать дорогу, ведущую изъ г. Керіи къ югу черезъ Аксайчинъ на Ладакъ и далѣе, выходящую на золотыя Куэнь-лунскія копи и въ застѣнные провинціи Китая.

Какъ я упомянулъ выше, переговоры объ уступкѣ канджутцамъ земель продолжались чрезвычайно успѣшно для англичанъ: вопросъ въ принципѣ былъ рѣшенъ утвердительно, надлежало разобрать только детали. Китайскія власти предлагали канджутцамъ земли къ югу западу отъ р. Раскема и отказывались давать сѣв. восточные участки. Вопросъ объ окончательномъ рѣшеніи этого дѣла былъ переданъ Яркендскому амбаню, внутренне относившемуся крайне несочувственно къ уступкѣ канджутцамъ земель по Раскемъ-дарѣ и вслѣдствіе этого нерѣдко обращавшемуся за совѣтомъ къ нашему генеральному консулу. Изъ 7 долинъ Раскема и его притоковъ китайскія власти рѣшили уступить 5, а именно: вышеупоминаемую мѣстность Урюкъ, по Упрангу, по р. Ташъ-момо по Кокъ-ташу и Илы-су. Попутно съ посягательствомъ на верховья р. Раскема не былъ оставленъ безъ вниманія и Сарыколь: въ декабрѣ 1898 г. къ Кашгарскому даотаю пришло посольство отъ Канджутскаго хана съ письмомъ отъ него и за личной печатью. Въ этомъ письмѣ Назимъ ханъ заявилъ жалобу, что до настоящаго времени онъ не можетъ получить съ жителей Тагдумашъ-Памира и Сарыко-

ла зякетнаго сбора; въ томъ же письмѣ напоминалось, что зякетный сборъ было разрѣшено ему Кашгарскимъ даотамъ производить ежегодно съ жителей Сарыкола. Для поясненія подобнаго требованія Канджутскаго хана, необходимо сказать слѣдующее: когда палъ Канджуть, перешедшій во власть Англичанъ, за ханомъ Канджута было сохранено право ежегоднаго сбора зякета съ жителей—Тагдумашъ-Памира и Сарыкола (съ кочевниковъ). Это правило было установлено разъ навсегда, такъ что посланные изъ Канджута въ Сарыколь за сборомъ податей комиссары, являлись прямо къ Сарыкольскому амбаню и получали отъ него, за печатью, приказаніе кочевникамъ Тагдумашъ-Памира и Сарыкола, не противиться сбору подати. Чѣмъ руководствовались китайцы, сохраняя за Канджутцами подобное право я не берусь сказать, позволю лишь выразить предположеніе, что здѣсь китайцы хотѣли быть можетъ нѣсколько смягчить предъ общественнымъ мнѣніемъ своего народа, обстоятельства, при которыхъ ими былъ потерянъ—Канджуть, обстоятельства, которые наносили чувствительный ударъ самолюбію „небесной имперіи“. Сохраненіемъ за Канджутцами права собирать зякетъ съ жителей Тагдумашъ Памира, права, которое Канджутцы ранѣе себѣ присвоили своими набѣгами и разбоями, китайцы хотѣли показать быть можетъ, что Канджуть уступленъ Англичанамъ временно, а въ дѣйствительности это ханство по прежнему находится въ зависимости отъ Пекина. Кашгарскій даотай, по своему невѣжеству,

и на этотъ разъ подобное разрѣшеніе далъ, не сообразивъ, что этимъ самымъ разрѣшеніемъ онъ признаетъ господство канджутцевъ надъ землями, никогда послѣднимъ не принадлежащими. Ясно, что это дѣлалось подъ внушеніемъ тѣхъ же англичанъ, желавшихъ имѣть въ своемъ распоряженіи возможно большее число фактовъ, которые доказывали бы неопредѣленность нынѣшнихъ границъ Канджута и воспользоваться ими въ будущихъ разграниченіяхъ Канджутско-Кашмирско-Китайскихъ владѣній. Этого необходимо не забывать и имѣть въ виду въ случаѣ возникновенія разграничительныхъ вопросовъ на юго-востокѣ Ферганы у насъ.

На жалобу Назимъ-хана, Кашгарскій даотай, въ отвѣтномъ письмѣ, разрѣшилъ ему собирать дань съ населенія Тагдумбашъ-Памира, какъ это было прежде; это разрѣшеніе даотая чрезвычайно странное и возможно только въ Китаѣ; только въ Китаѣ бываютъ случаи разрѣшенія подданнымъ чужаго государства брать подати съ жителей другаго подданства. Впрочемъ понятно положеніе китайскихъ властей: при томъ формально двусмысленномъ положеніи, въ которомъ былъ поставленъ Канджуть, ежегодно посылающій дань въ Кашгаръ и этимъ внѣшне признающій себя вассаломъ Китая, а въ дѣйствительности безвозвратно попавшій въ руки англичанъ, даотай отказать въ просьбѣ Назимъ-хана равносильно было признать Канджуть уже не принадлежащимъ къ владѣніямъ Небесной Имперіи и этимъ „лишиться лица“. Англичане же дѣйствовали чрезвычайно искусно:

закончивъ предварительныя работы по проектированію границъ, въ случаѣ дѣйствительнаго проведенія границъ, они пытались бы устранить отъ этого насъ, или же представить себя безкорыстными совѣтниками и дружественными руководителями канджутскаго комиссара. Это было бы хорошо еслибы было выполнено въ совершенной тайнѣ отъ насъ, но замыслы были заблаговременно раскрыты и заблаговременно были приняты мѣры.

Въ началѣ 1899 г. канджутскій ханъ снова подаетъ даотай жалобу, въ которой излагаетъ свое неудовольствіе на Яркендскаго окружного начальника за то, что послѣдній не отдаетъ канджутцамъ земель къ сѣверо-востоку отъ Раскемъ-дарьи, а соглашается лишь на уступку земель, лежащихъ къ юго-западу отъ этой рѣки, и кромѣ того жалуется, что Сарыкольскіе киргизы отказываются платить хану дань. Но въ то время вопросъ объ уступкѣ земель по Раскему въ своемъ рѣшеніи былъ задержанъ нашими представленіями, поэтому даотай отвѣтилъ хану, что канджутцамъ въ настоящее время нельзя уступить даже лежащихъ къ юго-западу отъ Раскема земель; относительно же дани съ Сарыкольскихъ киргизъ обѣщалъ сдѣлать распоряженіе. Канджутскій ханъ потомъ еще нѣсколько разъ напоминалъ объ уступкѣ земель, но отвѣта не получалъ и вопросъ этотъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, былъ разрѣшенъ хотя и въ положительномъ смыслѣ, но съ нѣкоторой, невыгодной для англичанъ, оговоркой. Въ самомъ своемъ возникновеніи, этотъ вопросъ встрѣтилъ протестъ среди

жителей Сарыкола, подавшихъ Яркендскому амбану жалобу на уступку земель по Раскемъ-дарьѣ канджутцамъ и совершенно справедливо заявлявшихъ на эти земли свои права съ предложеніемъ представить, въ случаѣ надобности, неоспоримые, подтверждающіе эти права, документы. Затѣмъ, какъ я упоминалъ выше, протестовалъ противъ этой уступки нашъ генеральный консулъ въ Кашгарѣ. По настоятельному представленію нашего генерального консула въ Кашгарѣ, на этотъ вопросъ было обращено вниманіе сначала нашего правительства, затѣмъ и китайскаго. Какъ и ранѣе, туркестанскія военныя власти охотно отозвались на принятіе необходимыхъ мѣръ противъ англійскихъ агитацій: оффиціальной бумагой отъ 30 іюня 1897 г. за № 571, Начальникъ Штаба Туркестанскаго военнаго округа увѣдомлялъ нашего генерального консула въ Кашгарѣ, что Туркестанскій генералъ-губернаторъ уже вошелъ съ представленіемъ о необходимости обезпеченія нашихъ владѣній отъ англійскихъ интригъ, отвѣтивъ занятіемъ Сарыкола. Занятіе Сарыкола было рѣшено основать на возбужденіи вопроса о новомъ разграниченіи на Памирахъ съ Китаемъ. Неизвѣстна дальнѣйшая участь этого представленія: вѣроятно оно не встрѣтило сочувствія къ себѣ въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Обратимся снова къ вопросу объ уступкѣ земель по Раскемъ-дарьѣ: Цзунъ-Ли-ямынь, съ обычной своей китайской изворотливостью, положительно утверждалъ, то никогда не согласится на подоб-

ную уступку, а, одновременно съ этимъ, Яркендскій окружный начальникъ секретно увѣдомлялъ нашего консула объ уступкѣ канджутцамъ даже части Тагдумбашъ-Памира, а на самой Раскемъ-дарьѣ, на ур. Кокъ ташъ, начали появляться канджутцы, сначала одиночными людьми а затѣмъ цѣлыми семьями; прибывъ на Раскемъ, канджутцы селились и приступали къ распашкѣ земель. Наше правительство признало необходимымъ принять самыя рѣшительныя мѣры къ устраненію этого. Настояніе нашего посланника въ Пекинѣ увѣнчалось приказаніемъ, отданнымъ Цзунъ-Ли-ямынемъ, объ изгнаніи канджутцевъ съ занятыхъ ими самовольно, земель; но этотъ успѣхъ былъ временнымъ; снова восторжествовали дружественныя увѣренія англійскихъ дипломатовъ и снова появляется слухъ объ уступкѣ канджутцамъ пяти мѣстностей Сарыкольскаго вѣдомства *) и объ наймѣ ими мѣстностей по р. Раскемъ-дарьѣ. Сообщая о послѣднемъ оффиціально нашему консулу, Кашгарскій даотай даже прибавлялъ, что пока неизвѣстно, какія земли и гдѣ будутъ уступлены и сколько будетъ поставлено, для охраны ихъ, карауловъ, а Гуль-Маметъ, визирь Назимъ-хана, тяготѣвшій къ консулу, увѣдомлялъ его секретно, что ханы Канджута и Ногара просили разрѣшенія Кашгарскаго даотая о постройкѣ укрѣпленныхъ постовъ возлѣ перевала Минъ-теке и караула Бейкъ; при этомъ добавлялъ, что для этихъ постовъ въ Канджутъ даже присланы ружья

*) Слухъ этотъ заслуживалъ полного довѣрія, такъ какъ исходилъ отъ Яркендскаго окружнаго начальника чрезъ Яркендскаго торговаго старшину.

и три орудія. Всѣ подобныя сообщенія, требующія многихъ разъясненій, невольно наводили на сомнѣнїе: о какихъ караулахъ говоритъ Кашгарскій даотай? если земли наняты канджутцами, то для чего тогда караулы? зачѣмъ понадобилось ханамъ Канджута и Ногара возводить укрѣпленные посты на Минъ-теке и Беикѣ? Снова закипѣла энергичная работа нашихъ дипломатовъ, причемъ на очередь были поставлены вопросы о противодѣйствиіи проискамъ англичанъ въ долину р. Раскема и о присоединеніи Россіей къ себѣ Шугнана, Рушана и Вахана. Послѣдній вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно, такъ какъ подобное присоединеніе признавалось Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ преждевременнымъ *), но первый—объ уступкѣ земель по Раскему—удалось закончить относительно благоприятно. Бывшій въ то время чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Пекинѣ отъ нашего правительства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ, упустивъ изъ виду, что не можетъ быть никакихъ компромисовъ въ вопросахъ объ распространеніи англійскаго вліянія за Гиндукушемъ, потребовалъ отъ китайскаго правительства письменнаго завѣренія, что послѣднимъ не будетъ сдѣлано сосѣднему ханству никакой территоріальной уступки. Китайскіе министры, въ сообщеніи своемъ нашему посланнику въ Пекинѣ,

*) Письмо Начальника Штаба Туркестанскаго военнаго округа Консулу отъ 10 октября 1899 г. за № 663.

отъ 16 августа 1899 г., подобное завѣреніе дали и даже при немъ присовокупили, что Китай ни въ какомъ случаѣ не уступитъ Тагдумбаша, Раскема и др., прилежащихъ къ этой границѣ мѣстностей, другой державѣ. Донося о подобномъ результатѣ нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ, въ телеграммѣ отъ 4 сентября 1899 г., за № 27, подчеркивалъ характеръ вышеупомянутаго сообщенія китайскихъ министровъ, какъ будто искавшихъ поддержки у Россіи противъ вынужденной у нихъ (вѣроятно правительствомъ Англіи) и крайне нежелательной территоріальной уступки. Въ той же телеграммѣ (за № 27) дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ доносилъ, что имъ заявлено китайскому правительству о предоставленіи Россіей Китаю полной свободы дѣйствій въ этомъ дѣлѣ, при условіи, что всякая территоріальная уступка въ сосѣдствѣ Памира будетъ сочтена русскимъ правительствомъ за прямое нарушеніе нашихъ интересовъ. Вскорѣ вопросъ объ уступкѣ канджутцамъ земель по Раскему—дарѣ былъ разрѣшенъ въ слѣдующей окончательной формѣ: между правительствами Великобританіи и Россіи состоялось соглашеніе, что упомянутыя земли будутъ отдаваться канджутцамъ только для обработки, но уступлены имъ не будутъ; Россія согласилась этому не препятствовать. Сообщая объ этомъ дѣйстви-тельному статскому совѣтнику Гирсу, въ нотѣ отъ 20 августа 1899 г., китайскіе министры, во избѣжаніе недоразумѣній, просили поэтому отвѣта на-

шего посланника. Последний, въ сообщеніи отъ 31 августа того же года, увѣдомилъ китайскихъ министровъ, что такъ какъ Великобританія дала Россіи письменное завѣреніе въ томъ, что первая не имѣетъ никакихъ территоріальныхъ притязаній въ долину Раскема и что она отнюдь не намѣрена, въ случаѣ возбужденія вопроса объ исправленіи границъ между британскими владѣніями и Китаемъ, поддерживать подобное требованіе, и подобное завѣреніе Англіи было сообщено Цзунъ-Ли-Ямыню, то вопросъ считается исчерпаннымъ. Съ тѣхъ поръ (съ начала 1900 г.) въ долину Раскема не показывались болѣе канджутцы и не пытались приступить тамъ къ обработкѣ земель, по той простой причинѣ, что въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ въ этомъ вопросѣ Англія была лишена самаго основнаго мотива. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы вопросъ объ уступкѣ канджутцамъ земель по р. Раскемъ-дарьѣ былъ законченъ, подтвержденіемъ чему являются послѣдующія событія. Въ ноябрѣ 1901 года англійскій посланникъ въ Пекинѣ настойчиво возобновилъ представленіе къ Пекинскому двору объ уступкѣ канджутцамъ земель, лежащихъ къ юго-западу отъ р. Раскемъ-дарьи. Со стороны русскаго правительства представлялся единственный исходъ къ тому, чтобы по возможности отдалить разрѣшеніе вопроса; исходъ этотъ заключался въ необходимости точно опредѣлить на картахъ тѣ земли, о которыхъ просили англичане. Основываясь на томъ, что бассейнъ Раскемъ-дарьи мало изслѣдованъ, что у китайцевъ не было

картъ этой мѣстности, по которымъ можно было бы надлежащимъ образомъ ориентироваться, а также что въ вопросѣ объ уступкѣ канджутцамъ земель было заинтересовано Русское правительство, смѣнившему въ Пекинѣ г. Гирса, д. с. с. Лессару, удалось добиться согласія китайскихъ властей на командированіе на р. Раскемъ нашего офицера, которому китайскія власти должны были точно указать тѣ земли, которыя предназначались къ отдачѣ канджутцамъ. Въ маѣ и іюнѣ 1902 года на Раскемъ-дарью былъ командированъ съ этою цѣлью генеральнаго штаба капитанъ Зайченко, которому удалось выяснить слѣдующее:

1) Изъ уступаемыхъ пяти участковъ земли къ ю.-з. отъ Раскемъ-дарьи, Кокъ-ташъ и Урюкъ являются самыми плодороднѣйшими изъ всѣхъ земель по Раскему.

2) Изъ названныхъ пяти участковъ земли, лишь земля по р. Ташъ-момо дѣйствительно была свободною; остальные были заняты, или условно или фактически, кочующими по Раскему китайскими подданными киргизами и таджиками.

3) Никто изъ старожиловъ на р. Раскемъ-дарьѣ не помнилъ, чтобы здѣсь когда либо селились канджутцы и чтобы имъ когда либо принадлежали эти мѣста. Разбои канджутцевъ были у всѣхъ на памяти.

4) При разборѣ вопроса объ уступкѣ канджутцамъ земли по р. Илы-су оказалось, что рѣкъ такого наименованія существуетъ двѣ: одна изъ нихъ притокъ р. Раскемъ-дарьи, другая у урочи-

ща Гуджадъ-бай впадаетъ въ р. Тагдумбашъ-Памирь. Такъ какъ въ просьбѣ англичанъ не указывалось точно о какой именно рѣкѣ Илы-су идетъ рѣчь, то могло произойти крупное недоразумѣніе въ видѣ уступки канджутцамъ обѣихъ рѣкъ Илы-су. Если-бы это произошло, то обстановка для насъ складывалась критически, такъ какъ уступка Канджутцамъ р. Илы-су, впадающей въ Тагдумбашъ-Памирь, отдавала въ руки англичанъ все теченіе р. Карачукура, составляющей единственный удобный выходъ изъ Гильгитской долины въ Китайскій Туркестанъ. При рѣшеніи вопроса — чѣмъ руководствовались китайцы въ своей чрезмѣрной уступчивости англійскимъ притязаніямъ, можно остановиться на слѣдующемъ разсужденіи:

Не въ выгодахъ китайцевъ заселять свои приграничныя земли разбойничьими племенами, грабежи которыхъ, еще не такъ давно, наводили ужасъ на караваны; точно также Китай не на столько простъ, добръ и великодушенъ, чтобы раздавать безъ всякой причины земли иностранцамъ, къ которымъ чувствуетъ вражденную антипатію. Но въ интересахъ Китая поссорить насъ съ Англіей и цѣль эта достигается китайцами въ высшей степени искусно; дѣйствія ихъ настолько безупречны, что даже такіе искусные дипломаты, какъ англійскіе, не замѣчаютъ закулисной стороны дѣла и всецѣло отдались преслѣдованію идеи созданія русскимъ въ средней Азіи возможно большихъ препятствій. Напрасно будутъ увѣрять русскихъ и

другихъ, что земли по Раскемъ-дарьѣ отданы канджутцамъ въ аренду; трудно доказать это, припомнивъ вышеприведенныя мною, условія аренды. Ясно, что здѣсь агитація нашихъ противниковъ и нужны лишь настойчивость и непреклонная воля, чтобы разсѣять всѣ эти интриги.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ въ самомъ Канджутѣ.

Канджутъ нельзя признать вполне благополучнымъ относительно спокойствія въ немъ. Мухамедъ-Назимъ-ханъ, громадными поборами и широкой жизнью, возстановилъ противъ себя народъ. Кромѣ того въ Канджутѣ находился братъ Сафдеръ-али-хана и Назимъ-хана, Мухамедъ-Нафисъ-ханъ, который пытался было произвести переворотъ въ свою пользу, но неудачно; онъ былъ отданъ подъ строгій надзоръ, но мысли о возможности быть канджутскимъ ханомъ не терялъ. Въ концѣ 1900 года былъ полученъ слухъ, что Нафисъ-ханъ хочетъ бѣжать къ русскимъ и даже присылалъ будто-бы, для переговоровъ съ начальникомъ нашего поста въ Ташъ-курганѣ, свое довѣренное лицо, а это послѣднее должно было сноситься съ Гуль-Маметомъ, визиремъ нынѣшняго хана въ Канджутѣ Назимъ-хана, перешедшимъ окончательно на сторону, враждебную хану. Трудно было, за неимѣніемъ достаточныхъ основаній, рѣшить, дѣйствительно ли было таково намѣреніе самого Нафисъ-хана, или же засылка къ русскимъ агента для переговоровъ являлась лишь результатомъ попытки англичанъ создать на основаніи этого какое либо,

благоприятное для себя, обстоятельство. Весьма правдоподобно было допустить мысль, что китайцы, подъ внушеніемъ англичанъ, при появленіи Нафисъ-хана въ Ташъ-курбанъ, приняли бы его и, какъ брату своего вассала, предложили бы ему земли по Раскемъ-дарьѣ. Разъ это совершилось бы, интрига англичанъ удалась бы блестящимъ образомъ. Какъ бы то ни было, но наши власти отнеслись къ предложенію Нафисъ-хана сдержанно, да строго говоря Нафисъ-ханъ не представлялъ интереса, какъ конкурентъ Назимъ-хану; намъ скорѣе былъ бы полезенъ въ этомъ отношеніи Сафдеръ-Али-ханъ, имѣющій и до настоящаго времени свою партію въ Канджутъ. Время не ждало и замыслы Нафисъ-хана были открыты: по полученнымъ въ сентябрѣ 1901 г. свѣдѣніямъ, по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ русскими и по доносу Назимъ-хана, Нафисъ-ханъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Гильгитъ; съ нимъ были арестованы Гуль-Маметъ и еще нѣсколько участниковъ. Впрочемъ эти извѣстія не вполне выясняютъ истинную обстановку дѣла. Хотя Сафдеръ-Али-ханъ находился въ заточеніи въ Урумчи, но въ послѣднее время ему даже была выхлопотана отъ нашего правительства небольшая субсидія. Нашъ генеральный консулъ въ Урумчи нѣсколько разъ входилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Сафдеръ-Али-хану поселиться, вмѣстѣ съ семействомъ, въ Яркендъ, но ходатайства были безуспѣшны. Только въ октябрѣ 1901 г. разнесся слухъ, что Сафдеръ-Али-хану разрѣшено жить въ Яркендъ съ семьей; въ февралѣ 1902 го-

да слухъ этотъ подтвердился официально; Сафдеръ-Али-ханъ былъ освобожденъ и возвращался изъ Урумчи въ Яркендъ. Когда возникъ вопросъ снова объ уступкѣ Канджутцамъ земель по Раскему и о командированіи на Раскемъ русскаго офицера, Сафдеръ-Али-ханъ, по прибытіи въ г. Кучу, былъ тамъ, по распоряженію изъ Пекина, задержанъ впредь до окончательнаго выясненія дѣла на р. Раскемъ-Дарьѣ.

Въ Сарыколѣ, какъ я уже говорилъ выше, до конца 1897 г. англійскимъ агентомъ служилъ одинъ авганецъ, жительствовавшій въ Ташъ-курбанѣ, но съ этого времени его рѣшено было замѣнить „мунши“ (т. е. образованнымъ индусомъ, знающимъ языки англійскій, тюркскій и персидскій). Для другихъ иностранцевъ, а въ особенности для русскихъ, Сарыколъ былъ рѣшительно недоступенъ и въ то время, когда англійскіе путешественники ѣздили тамъ безпрепятственно, китайскія власти, подъ внушеніемъ англичанъ, упорно отказывали въ пропускѣ туда, не только русскихъ путешественниковъ, но даже докторовъ *). Пользуясь тѣмъ, что въ „спискѣ пограничныхъ пунктовъ, черезъ которые могли проѣзжать русско-подданные для торговли въ Китай“, приложенномъ къ „правиламъ для сухопутной торговли“, выработаннымъ совместно

*) Когда нашъ врачъ Юсуповъ въ 1897 г. хотѣлъ ѣхать въ Сарыколъ, Кашгарскій даатай категорически отказалъ ему въ пропускѣ, а когда, не смотря на это запрещеніе, Юсуповъ все-таки въ Сарыколъ поѣхалъ, то, по прибытіи въ Ташъ-курбанъ, былъ оттуда возвращенъ обратно въ Кашгаръ силой.

съ Петербургскимъ договоромъ 1881 г., для про-
хожденія черезъ нашу границу съ Ферганой и Каш-
гаріей указанъ былъ для этой цѣли лишь одинъ
Иркештамъ. китайцы категорически воспретили пере-
ходъ русскимъ границы въ Сарыколѣ, не смотря на
то, что съ нашей стороны въ этомъ отношеніи для
китайскихъ поданныхъ никакихъ стѣснительныхъ
распоряженій не было. Зная хорошо истинную цѣ-
ну дипломатическимъ завѣреніямъ англичанъ, наше
правительство не могло оставить безъ вниманія
присутствіе въ Сарыколѣ англійскаго агента. Какъ
и ранѣе, первымъ проявило свою дѣятельность
военное Министерство. Въ концѣ 1898 г., по
представленію бывшаго Туркестанскаго генераль-
губернатора генерала Духовскаго, для безостановоч-
наго наблюденія за дѣйствіями англичанъ на юго-
восточной границѣ Ферганы, былъ возбужденъ воп-
росъ о необходимости имѣть въ Кашгарѣ, при
нашемъ генеральномъ консульствѣ, офицера генераль-
наго штаба. При этомъ имѣлось въ виду, вос-
пользовавшись постоянными притѣсненіями и насилі-
ями начальниковъ пограничныхъ карауловъ надъ
нашими почтовыми джигитами, поставить въ Ташъ-
куртанѣ казачій постъ при офицерѣ. Такимъ
образомъ, вмѣсто того, чтобы предпринять что либо
рѣшительное, остановились на полумѣрѣ, не только
не достигающей цѣли, но даже ухудшающей
обстановку. Слѣдовало бы не ставить поста въ
Ташъ-куртанѣ, а привести вопросъ о Сарыколѣ къ
опредѣленному концу; въ поводахъ къ занятію Са-
рыкола недостатка встрѣтиться не могло.

По утвержденіи вышеуказаннаго проэкта ГОСУ-
ДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, въ концѣ 1899 г.
былъ командированъ въ Кашгаръ офицеръ гене-
ральнаго штаба, съ соотвѣтствующимъ личнымъ
составомъ и инструкціею. По прибытіи командиро-
ванныхъ въ Кашгаръ въ декабрѣ 1899 г., началась
подготовка удобной обстановки для постановки въ
Ташъ-куртанѣ нашего поста. Еще до прибытія въ
Кашгаръ офицера генеральнаго штаба, въ Ташъ-
куртанѣ, генеральнымъ консуломъ въ Кашгарѣ,
былъ командированъ, для наблюденія за отпра-
вкой почты изъ Кашгара на Памиры, бадахшанецъ
Мирза-Сулейманъ; по прибытіи въ Ташъ-куртанъ,
онъ, благодаря интригамъ англійскаго мунши, былъ
встрѣченъ крайне недружелюбно, какъ мѣстными
китайскими властями, такъ и туземнымъ населені-
емъ. Англійскій мунши, подкупивъ, по указаніямъ
Макартнея, наиболѣе вліятельныхъ лицъ Сарыкола
и дѣйствуя на Сарыкольскаго амбана, создавалъ
препятствія отъ имени населенія, которое будто-бы
не желало видѣть въ Сарыколѣ русскихъ. Къ это-
му времени подоспѣли смуты во внутреннемъ Ки-
таѣ и Сарыкольскій амбанъ Ди-даринъ объявилъ
населенію, что такъ какъ Богдыханъ находится въ
войнѣ съ русскими *) и слѣдовательно каждый
русскій долженъ считаться врагомъ китайцевъ, то
онъ, Ди даринъ, запрещаетъ населенію Ташъ-кур-
гана давать мирзѣ Сулейману убѣжище и продавать
продукты, а наши почтовые джигиты попрежне-

*) Про англичанъ не упоминалось, хотя Китай въ то время велъ вой-
ну со всѣми европейскими державами.

му подвергались всевозможнымъ притѣсненіямъ. Ди-даринъ дѣйствовалъ, имѣя солидную опору въ Янги-шаарскимъ титей, генералъ Чжанъ, который находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Макартнеемъ, и, съ началомъ открытія беспорядковъ въ Китаѣ, велъ себя крайне вызывающе по отношенію къ русскимъ, грозя вырѣзать всю русскую колонію въ Кашгарѣ. Но поддержка ти-тея не спасла Ди-дарина; по настоянію нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, Ди-даринъ былъ удаленъ изъ Ташъ-курмана, переведенъ въ Янги-гиссаръ на должность „туй-би“ (низшую въ сравненіи съ ранѣе занимаемой), а на его мѣсто былъ назначенъ въ Ташъ-курманъ Чжао-фынь-инъ.

Въ виду подобнаго сопротивленія, встрѣченнаго нами въ Сарыколѣ, Туркестанскій генераль-губернаторъ въ 1900 г. возбудилъ ходатайство о немедленномъ занятіи Сарыкола; когда же на такое отъ Военнаго Министра послѣдовалъ отвѣтъ, что занятіе Сарыкола наше правительство признало несвоевременнымъ, то возникло вновь ходатайство о томъ, чтобы, въ случаѣ надобности, нашъ Ташъ-курманскій постъ можно было усилить двумя постами Памирскаго отряда — Истыкскимъ и Рангъ-кульскимъ. На усиленіе Ташъ-курманскаго поста постами Памирскаго отряда ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе послѣдовало и приведеніе его въ исполненіе было всецѣло предоставлено на усмотрѣніе Туркестанскаго генераль-губернатора.

Спокойствіе въ Сарыколѣ зависѣло главнымъ образомъ отъ настроенія командующаго войсками

въ Кашгаріи ти-тея Чжана, выдающаго себя въ высшей степени враждебно по отношенію къ русскимъ, а потому противъ него, какъ угрожающаго спокойствію странъ, нашимъ консуломъ также былъ возбужденъ вопросъ объ удаленіи его. Вновь назначенный вмѣсто Ди-дарина амбанемъ въ Сарыколѣ, Чжао выказалъ себя въ скоромъ времени недостойнымъ занимаемаго имъ поста и сразу подпалъ подъ вліяніе англійскаго мунши; непріязненные дѣйствія противъ русскихъ продолжались, причемъ ти-тей продолжалъ выказывать себя упорно явно враждебнымъ къ русской колоніи; его не остановилъ даже призывъ къ сдержанности со стороны Кашгарскаго даота, за что Чжанъ началъ грозить даже самому даоту, называя его слугой консула и грозя, въ случаѣ войны, убить его перваго. Вновь послѣдовало (въ концѣ 1900 г.) энергичное представленіе нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ о необходимости убрать изъ Синь-цзяна столь опаснаго для общаго спокойствія челоуѣка, и въ срединѣ ноября того же года было получено отъ губернатора Синь-цзянской провинціи увѣдомленіе, что ти-тей смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ изъ Хунанской провинціи другой сановникъ. Пріѣздъ замѣстителя былъ объявленъ черезъ 2—3 мѣсяца, затѣмъ былъ отложенъ еще на 2 мѣсяца и наконецъ, благодаря вѣроятно богатымъ подаркамъ и подкупу, замѣна ти-тея была отложена на неопредѣленное время. Только въ мартѣ мѣсяцѣ 1902 года генераль Чжанъ, Императорскимъ указомъ, былъ замѣщенъ

Аксуйскимъ джень-теемъ генераломъ Го и переведенъ въ г. Аксу.

Воспользовавшись первыми же недоразумѣніями между начальниками пограничныхъ китайскихъ карауловъ и нашими почтовыми джигитами, въ февралѣ 1901 г. былъ наконецъ водворенъ въ Ташъ-курганъ нашъ постъ изъ пяти казаковъ при офицерѣ. Сарыкольскій амбанъ Чжао, узнавъ о приближеніи къ Ташъ-кургану рускаго поста, пришелъ въ бѣшенство и хотѣлъ выйти на встрѣчу къ нему съ лянзой для вооруженнаго сопротивленія, но былъ остановленъ благоразумными совѣтами нѣкоторыхъ окружающихъ его лицъ. При такомъ отношеніи ясно было, что трудно ожидать чего либо нашему посту въ Ташъ-курганъ, если Сарыкольскимъ амбанемъ останется Чжао. Недолго продержался онъ; по представленію нашего консула, въ апрѣлѣ 1901 г., Чжао былъ замѣщенъ амбанемъ Чень-сянь-дариномъ, человѣкомъ недалекимъ, недостаточно сообразительнымъ, но смирнымъ.

При такихъ условіяхъ, какъ неисполненіе нашихъ требованій объ удаленіи ти-тея, нашъ постъ въ Сарыколѣ, если и являлся не вполне надлежащей мѣрой, то тѣмъ не менѣе убирать его стало невозможнымъ безъ того, чтобы не сдѣлать нѣкоторой уступки нашему самолюбію и престижу въ западномъ Китаѣ.

Постановку нашего поста въ Ташъ-курганъ нельзя признать мѣрой вполне цѣлесообразной; правда этимъ былъ сдѣланъ нами шагъ впередъ на юго-востокъ Ферганы и шагъ, имѣющій важное, но не

рѣшающее значеніе; нужно было не ставить постъ, а занять Сарыколь. Что же вышло съ постановкой нашего поста въ Ташъ-курганъ? На Сарыколь предъявили права два могущественныя государства—Россія и Англія; Англія поставила въ Ташъ-курганъ мунши, наше правительство—казачій постъ; англо-индійское правительство выстроило для англійскаго мунши въ Ташъ-курганъ прекрасное, просторное помѣщеніе; съ нашей стороны, если по прежнему наши дѣйствія ограничатся пребываніемъ въ Ташъ-курганъ поста, явится настоятельная необходимость въ постройкѣ хорошей казармы. Къ чему могутъ привести всѣ вышеизложенныя дѣйствія? только къ созданію для насъ наибольшихъ затрудненій. При существующемъ нынѣ порядкѣ, Сарыколь можетъ превратиться въ нейтральный кусокъ земли, но при этомъ выгоды приобретаетъ исключительно англо-индійское правительство; въ то время, когда мы будемъ нести существенный расходъ на помѣщеніе и содержаніе поста, будемъ ограничены въ своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ въ этой странѣ, правительство Британской Индіи будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи кратчайшій и удобнѣйшій торговый и почтовый путь изъ Индіи черезъ Канджутъ и Сарыколь въ Синь-цзянь, и этимъ самымъ приобрететъ возможность продолжать распространеніе своего вліянія за Музь-тагъ и Гиндукушъ и окончательно замкнетъ намъ выходъ съ Памировъ на юго-востокъ. Изъ прежнихъ опытовъ, неоднократно подтверждался фактъ, что Англія непобѣдима тамъ,

гдѣ ея требованія опираются на юридическое или же международное право. Русскіе дипломаты не могли успѣшно бороться съ англійскими интригами и въ этихъ случаяхъ показывали или же безмолвное преклоненіе предъ искусствомъ англійскихъ дипломатовъ, или же излишнюю осторожность. Но за то наши рѣшительные приемы, какъ напимѣръ во время войны европейскихъ державъ съ Китаемъ въ 1900 г., сопровождаемые энергичнымъ вооруженнымъ воздѣйствіемъ, неоднократно доказывали, что Англія чувствуетъ органическое отвращеніе ко всякимъ вооруженнымъ столкновеніямъ съ войсками цивилизованныхъ европейскихъ государствъ; въ этихъ случаяхъ Англія постоянно уступала. Въ вопросѣ о Памирскомъ разграниченіи, излишняя осторожность привела къ тому, что до настоящаго времени въ этомъ районѣ возникаетъ масса недоразумѣній. Памирскій вопросъ — обширное, благодарное поле, для созданія всевозможныхъ конфликтовъ между Россіей и Англіей. Даже отбрасывая въ сторону неопредѣленность нашей восточной границы на Памирахъ съ Китаемъ, затрудненіе возникаетъ въ томъ отношеніи, что Англія сознаетъ важное значеніе для Россіи Сарыкола. Англійское правительство ясно видитъ, что Сарыколь является для Россіи нервомъ, отъ котораго зависитъ распространеніе ея дальнѣйшихъ подступовъ къ Британской Индіи и уничтоженіе, созданнаго въ 1895 г., буфера. Трудно даже приблизительно опредѣлить время, когда наконецъ настанетъ благоприятное окончаніе для насъ памирскаго вопроса. Въ одномъ

изъ номеровъ, кажется „Новостей“, не помню за который годъ, была напечатана бесѣда бывшаго нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ, князя Лобанова-Ростовскаго съ генераломъ Венюковымъ; въ этой бесѣдѣ, князь Лобановъ-Ростовскій обѣщалъ привести къ благопріятному концу памирскій вопросъ, и, принимая во вниманіе государственный умъ, которымъ обладалъ, къ сожалѣнію преждевременно умершій, талантливый министръ, можно было ожидать, что это не одно обѣщаніе.

Весь вопросъ въ настоящее время зависитъ отъ того, чтобы выбрать наиболѣе благопріятную минуту для рѣшительныхъ дѣйствій и, когда такая настанетъ, предъявить самыя широкія требованія по обезпеченію насъ на юго-восточномъ фронтѣ Ферганы, требованія безусловныя и категорическія, опирающіяся на внушительную военную поддержку. Необходимо при этомъ намѣтить заблаговременно границу, которая удовлетворяла бы нашей безопасности, и исключала бы всякое недоразумѣніе въ будущемъ, а въ случаѣ, если бы даже произошло столкновеніе, то оно было бы полезно въ томъ отношеніи, что надолго устранило бы всякія въ этой мѣстности препирательства. Основаній для возбужденія вопроса о проведеніи новой границы у насъ есть много, благодаря почти 20-ти лѣтней продолжительности недоразумѣній на юго-востокѣ Ферганы.

Необходимо помнить, что наши соперники, англичане, не теряютъ изъ виду ни одного, даже ничтожнаго, движенія русскихъ въ Средней Азій.

Доказательствомъ этому служить богатая англійская литература по этому вопросу, разрабатывающая и разработавшая всѣ детали положенія дѣлъ въ Средней Азій. Если исключить проглядывающее всюду предвзятое мнѣніе англійскихъ писателей, что Россія въ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдуетъ лишь систему захватовъ и лелѣетъ мысль о походѣ на Индію, то англійская литература, къ изученію взаимныхъ отношеній въ Средней—Азій Россіи и Англии, представляетъ много цѣнныхъ матеріаловъ, которыхъ, къ сожалѣнію, мало въ нашей литературѣ.

Здѣсь я позволю себѣ приложить карту постепеннаго распространенія русскихъ владѣній въ Средней Азій, взятую мною изъ сочиненія „The Heart of Asia. By Francis Skrine and Edward Ross“. Съ одной стороны эта карта доказываетъ насколько внимательно наблюдаютъ англичане за каждымъ шагомъ Россіи въ средней Азій; съ другой же стороны, изъ разсмотрѣнія названной карты, можно прійти къ выводу, что въ преслѣдованіи мысли о завоевательномъ образѣ дѣйствій Россіи въ Азій, англійскіе писатели не стѣсняются даже справедливостью хронологическихъ данныхъ. Если даже признать справедливость линіи, обозначающей границу владѣній Россіи въ Азій въ 1734 г. (въ этому году, въ царствованіе Анны Іоанновны, для устройства дѣлъ на западной азійской границѣ, была командирована экспедиція Кирилова), то послѣдующія линіи дальнѣйшаго движенія Россіи на югъ, страдаютъ крупными

ошибками. Напримѣръ: линія, обозначающая границу Русскихъ владѣній въ Азій въ 1745 г., вынесена много впередъ; въ періодъ управленія Оренбургскимъ краемъ Неплюева, была занята часть Илецкихъ соляныхъ копей, сомкнута на сѣверѣ урало-уйская линія съ иртышской и проведена ишимская линія отъ звѣриноголовскаго укрѣпленія до г. Омска; все это можно приурочить только къ 1754 г., а на прилагаемой картѣ къ 1745 г. наша граница примкнута даже къ р. Эмбѣ; значительныя экспедиціи къ р. Эмбѣ, съ цѣлью прекращенія грабежа киргизъ, были отправлены лишь въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й въ 1784—85 гг. Въ царствованіе же Екатерины II-й, были приняты мѣры по упроченію нашей сибирской границы продолженіемъ иртышской линіи и возведеніемъ въ 1792 г. укрѣпленія на Бухтармѣ. Такія же грубыя ошибки въ хронологическихъ датахъ на приложенной картѣ можно было бы указать еще; я упомяну здѣсь лишь о послѣднихъ движеніяхъ нашихъ въ Средней Азій, такъ какъ подробный разборъ справедливости историческаго хода постепеннаго движенія Россіи въ Азій, по картѣ сочиненія Scrin'a и Ross'a, занялъ-бы много мѣста и отвлекъ бы меня отъ цѣли настоящаго труда: гг. Аулие-ата и Туркестанъ заняты въ 1864 г., и слѣдовательно въ 1863 г. наша граница не могла имѣть вида непрерывной линіи; присоединеніе къ Россіи Кокандскаго ханства послѣдовало въ 1876 г., на приложенной же

при семь англійской картѣ годъ этого событія
указанъ 1868 г. и т. д.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что каждое
движеніе наше въ Средней Азіи привлекаетъ къ
себѣ вниманіе нашихъ соперниковъ, двига-
ющихся къ намъ навстрѣчу со стороны Индійскаго
океана. Это вниманіе нашихъ сосѣдей заставляетъ
также и насъ смотрѣть за каждымъ ихъ шагомъ
въ центральной Азіи и не забывать, что ни одного
движенія напраснаго, безцѣльнаго не предприни-
маетъ здѣсь Англія; если же съ ея стороны и
исходили предложенія о мирѣ и союзѣ, то таковыя
оказывались весьма убыточными для тѣхъ, кто
имѣлъ несчастіе поддаваться на эту ловушку.

Капитанъ Зайченко.

15-го Января 1902 г.

г. Кашгаръ.

Замѣченные опечатки.

Стр.		Напечатано:	Надо читать:
2	4 строка сверху.	въ 1852 г.	въ 1853 г.
7	3 снизу	Китай	Китай,
16	7 сверху	падаютъ	падаютъ
58	6 сверху	Кулькутту	Калькуту.
59	11 сверху	чиновниками	чиновниками
63	9 сверху	дорога.	дорога.
70	11 снизу	слѣдующіе	слѣдующее
90	10 снизу	Канджутцамъ	Канджутцевъ.

въ Центральной Азіи.

Изъ сочиненія „The heart of Asia," by Francis Henry Skrine and Edward Denison Ross.

